

ЮЛИЯ МОНЯКОВА

ФАНАТКИ

Юлия Монакова

Фанатки

«Издательские решения»

Монакова Ю.

Фанатки / Ю. Монакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966995-7

За отчаянную любовь к «образу из телевизора» их называют чокнутыми. Бесстыжими. Одержимыми. У каждой девушки — своя история, свой путь и свои цели. Всего за четыре дня кто-то из них успеет вскользь прикоснуться к мечте, кто-то горько разочаруется в кумире, кто-то переступит границы дозволенного законом, а кто-то — перешагнёт через чувство собственного достоинства. Ни одна не останется прежней... Готовы ли вы заглянуть в фанатские души, не зная, что там увидите — свет или тьму?

ISBN 978-5-44-966995-7

© Монакова Ю.
© Издательские решения

Содержание

20 ФЕВРАЛЯ 2007 ГОДА, ВТОРНИК	6
Скорый поезд «Башкортостан», Уфа – Москва	6
Москва, Казанский вокзал	10
Индия, Нью-Дели	13
Санкт-Петербург, Невский проспект, отель «Форум»	17
Санкт-Петербург	21
Москва	24
Москва	28
Нью-Дели	35
Санкт-Петербург	40
Санкт-Петербург	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Фанатки

Юлия Монакова

© Юлия Монакова, 2019

ISBN 978-5-4496-6995-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

***ВНИМАНИЕ!** Несмотря на то, что книга основана на реальных событиях и даже отчасти автобиографична, все персонажи вымышленные. Любое сходство с живыми людьми – случайное совпадение.*

20 ФЕВРАЛЯ 2007 ГОДА, ВТОРНИК

Скорый поезд «Башкортостан», Уфа – Москва

– Уважаемые пассажиры, кто ещё не сдал постельное бельё и стаканы? Пожалуйста, поторопитесь! – по узкому проходу между полками плацкартного вагона семенила озабоченная проводница. – Прибываем через тридцать минут...

В спёртом натопленном воздухе, пропитанном неистребимыми запахами туалета, быстрорастворимой лапши, кофе из пакетиков «три в одном» и несвежих тел, пыль стояла столбом: все пассажиры дружно ворошили и перетряхивали свои простыни с наволочками, складывая их в аккуратные сероватые стопки.

– Девушка, бельё сдавать собираемся? – проводница притормозила возле боковой пассажирки. Та сидела за столиком, неспешно прихлёбывая чай из стакана в фирменном подстаканнике РЖД, и время от времени вяло, без всякого аппетита, откусывала от холодного пирожка. Над её головой – на верхней полке – бесформенным комом были свалены подушки, матрасы, одеяла и простыни.

– И где ваша подруга? Она тоже ещё не сдавала...

– Подруга в туалете, – ровным голосом отозвалась пассажирка. Это была девица лет двадцати, с тёмными взлохмаченными волосами, неподвластными расчёске. – А я завтракаю.

– Москва через полчаса! – напомнила проводница. – Вас пятьдесят четыре человека, а я одна на весь вагон, между прочим.

Девица подняла на собеседницу нахальные синие глаза.

– Вообще-то, это ваша прямая обязанность – собирать постельное бельё. Вы не имеете права никого заставлять и, тем более, торопить. Если не успеваете – то это исключительно ваша проблема. Мне есть, чем заняться до прибытия, помимо того, чтобы возиться с дурацким бельём...

Негромко ворча, но не вступая в открытую перепалку (пассажирка была абсолютно права по поводу чужих обязанностей и своих прав), проводница сгребла бельё с верхней полки в охапку.

– Осторожнее, – поморщилась синеглазка, – вся эта пылюка мне в чай летит...

«Чтоб ты... поперхнулась», – в сердцах подумала уязвлённая проводница, а вслух спросила звенящим от напряжения голосом, который выдавал, что его хозяйка в любую секунду готова устроить скандал (был бы повод):

– А где ещё одно полотенце? Тут не хватает!!!

– У подруги. Я же сказала вам: она сейчас в туалете. Придёт – отдаст, не переживайте, никто ваши драгоценные полотенца красть не собирается.

«Хамка малолетняя!» – мысленно окрестила её проводница, удаляясь к себе с ворохом белья в руках, хотя девица, по сути, не сказала ей ни единого грубого слова.

Между тем пассажирка, допив свой чай и дожевав пирожок, озабоченно взглянула на часы. И в самом деле, что-то Катрин задерживается, её уже минут двадцать нет... Или там очередь? Она встала, мимолётным жестом стряхнув с одежды невидимые крошки, и решительно направилась в сторону туалета.

Действительно, возле двери толпилась компания из нескольких человек, однако Катрин среди них не было – наверное, подруга скрывалась внутри заветной комнаты. Судя по тому, как нервно переговаривались между собой ожидающие, терпение их вот-вот должно было иссякнуть.

– Ну сколько можно уже? – первым не выдержал какой-то толстяк и замолотил в запёртую дверь кулаком. Он был одет в спортивные штаны и футболку с принтом «*Taumi, Taumi... Нас и здесь неплохо кормят!*»

– Эй, девушка! Вас там в унитаз смыло, что ли?!

Изнутри, точно в ответ на его гневные призывы, громыхнула задвижка, и дверь отворилась.

– Наконец-то... – выдохнули все в едином порыве, когда из туалета, смущённо пряча глаза, вышла Катрин. Обеспокоенная синеглазка хотела было податься навстречу подруге, но её грубо оттолкнула высокая блондинистая лахудра:

– Куда лезешь? Тут, вообще-то, очередь... – а затем, переведя взгляд на Катрин, со злостью рявкнула:

– Ты совсем охренела, овца?! Как будто ты одна в вагоне и это твой персональный сортир... У тебя там внезапно понос открылся, что ли?

– Эй, ты, полегче на поворотах, – предостерегающе сказала синеглазка, отметив, какое бледное и напряжённое лицо было у Катрин.

– Извините... – еле слышно выдавила из себя подруга. – Мне стало нехорошо.

Блондинка, бросив напоследок ещё один уничтожительный взгляд в её сторону, скрылась в туалете. Синеглазка подхватила подругу под локоть и потащила за собой.

– Что стряслось? – прошипела она. – Правда живот прихватило, что ли?

– Месячные начались, – выдохнула Катрин несчастным тоном. – На неделю раньше срока. Я, блин, совсем не ожидала... Протекла насквозь. Ещё и болит ужасно...

Подруга опустила взгляд пониже и обнаружила, что Катрин завязала свой свитер на талии, чтобы он прикрывал попу.

– А... с собой ничего нет? – спросила она.

– Откуда? Я ведь не готовилась... Платок носовой пока подложила, но это смех один. Может, на вокзале куплю прокладки или тампоны, должна же там быть аптека... – лицо Катрин исказила гримаса досады и боли. – Мне теперь даже садиться нельзя, а то всё тут запачкаю...

– Бедняга, – от души посочувствовала синеглазка.

Вообще-то, «Катрин» на самом деле была обычной Катюхой, Катей-Катериной. Стильное европейское звучание её имени придала лучшая подруга Валька – та самая синеглазка, с которой они вместе сейчас ехали из родной Самары в столицу. Во внешности Кати не было ничего особенного – обычная девчонка с добрым круглым лицом и светлыми волосами, чуть полноватая, но довольно симпатичная. Впрочем, хоть она и казалась миловидной, но всё-таки «простушка» было первой ассоциацией, возникающей при взгляде на неё. Мальчики редко обращали на Катю внимание, в отличие от её бойкой и яркой подруги, которая, напротив, всегда пользовалась популярностью у противоположного пола. Когда же с лёгкой Валькиной руки Катя превратилась в Катрин, даже в её облике неуловимо что-то изменилось – появился некий ореол загадочности, налёт изыска и шарма. Отныне при знакомствах она представлялась исключительно «Катрин», и никак иначе.

С Валькой они дружили с самого раннего детства. Сначала ходили вместе в детский сад, затем – в школу, а потом поступили в пединститут на один факультет. Даже влюблялись они одновременно – и в подростковом возрасте, и сейчас. Причём (редкостное везение!) девчонкам никогда не приходилось конкурировать и соперничать друг с другом, потому что нравились им совершенно разные парни. В общем, это была идеальная женская дружба, не отягощённая побочными эффектами. Девушки не имели друг от друга ни тайн, ни секретов. Сейчас же они направлялись в Москву, связанные общей миссией – им необходимо было попасть на игру Высшей лиги КВН, в которой принимала участие их любимая команда.

Затея, конечно, изначально была авантюрной и сумасбродной. Валька с Катрин учились на четвёртом курсе и пока что не имели постоянного источника дохода, а поездка в Москву была недешёвым удовольствием: билеты на поезд, билеты на саму игру, проживание, питание... да мало ли насущных трат наберётся! Клянчить у родителей было стыдно, поэтому девушки несколько месяцев подряд усиленно подрабатывали – занимались репетиторством с дошколятами, обучая их чтению и письму. Нельзя сказать, что это принесло им баснословные заработки, однако очертания будущей поездки становились всё более и более реальными... пусть даже в режиме жёсткой экономии.

Идея отправиться на игру пришла в голову именно Катрин. Подруги всегда увлекались КВН, не пропуская ни одного телевизионного эфира, а также участвовали в играх у себя в институте – но по-настоящему крышу им снесло в тот день, когда в Самаре на гастроли приехала популярная молодая команда «Краснодарские суслики». Катрин с Валькой купили билеты, вошли в зал... и вышли оттуда совершенно другими людьми. Точнее, ошалевшими влюблёнными дурочками.

То, что краснодарские ребята творили на сцене, конечно, было настоящей феерией. Зал лежал от хохота, стонал, вытирал выступившие на глазах слёзы, топал ногами... Больше всего неистовствовали юные зрительницы – ведь перед ними упражнялись в искромётном остроумии и актёрском мастерстве не просто талантливые кавээнщики, а молодые и по-настоящему симпатичные парни. Как говорится, на любой вкус, цвет и размер!

Валька сразу же запала на капитана команды Степана Талызина. Её увлекла какая-то загадочная отрешённость и одновременно надёжность в его взгляде... Очень ответственный молодой человек, это было сразу видно. Несмотря на рыжий цвет волос, который привычно связывают с весёлым лёгким нравом и хулиганским характером, Степан был весьма сдержан в эмоциях, редко улыбался и даже юморил с убийственно серьёзным выражением лица. Но это и стало его коронной «фишкой» на сцене.

Катрин же пришёлся по душе балагур и весельчак Кирилл Трубников – душа команды, смазливый хохмач, которого не портили даже очки. Увидев, что Кирилл вытворяет на сцене, Катрин тут же уверилась в том, что хочет прожить с этим человеком всю свою жизнь и нарожать ему кучу детей, как бы странно это ни звучало. По крайней мере, скучно с ним ей точно никогда не будет...

После выступления обе подруги в компании других, таких же отчаянных и безбашенных, девушек подстерегли кавээнщиков у служебного входа и попросили сфотографироваться вместе с ними, а также дать автограф на афишке. Парни, пока что не успевшие устать от своей внезапной славы и не пресытившиеся гастрольной жизнью, с огромным удовольствием позировали перед фотоаппаратами, шутили с поклонницами, чмокали каждую из них в щёчку, ласково приобнимали за плечи и талию, откровенно флиртовали и строили глазки, а девчонки буквально растекались лужицами от удовольствия.

– Ребята, а вы в какой гостинице остановились? – набравшись наглости, спросил кто-то. Катрин, помнится, тогда подумала – узнав ответ, та девушка что, поехала бы вслед за кавээнщиками и предложила кому-нибудь из них провести с собой ночь? Но выяснилось, что команда не задержится в Самаре – через несколько часов им нужно было ехать на железнодорожный вокзал, чтобы успеть на поезд до следующего гастрольного города, а прямо сейчас организаторы тура повезут их ужинать.

Конечно же, Валька и Катрин прибыли на вокзал за час до отправления поезда, чтобы точно не пропустить ребят. Правда, они оказались не единственными такими умницами – проводить «Краснодарских сусликов» в дальний путь пришло, в общей сложности, не менее десятка девушек. Кто-то даже принёс с собой домашние пирожки, бутерброды и прочую снедь, чтобы парням было чем закусывать в дороге. Прощание на перроне вышло очень нежным и трогательным – подвыпившие и расслабившиеся кавээнщики тискали девчонок всё откоро-

веннее и горячее, а «дружеские» поцелуи в щёчки незаметно смещались на другие части тела. Поклонницы, впрочем, не особо протестовали – только смущённо и радостно попискивали.

– Ребят, вы будете играть в следующем сезоне? – спросил кто-то напоследок, и кавээнщики заверили, что приложат к этому все свои усилия.

– Приезжайте на игры в Москву, девчонки! – радушно пригласил поддатенький Кирилл. – Будет весело...

– Мы приедем, – неожиданно для себя самой пообещала Катрин и успела перехватить растерянный Валькин взгляд. – Обязательно приедем за вас поболеть! – твёрдо добавила она, как бы окончательно уверившись в правильности принятого решения и закрепляя сказанное.

Вот так всё и началось...

Несколько месяцев прошли в страшной суматохе вперемешку с нервным возбуждением и приподнятым ожиданием.

Подруги засмотрели до дыр видеозаписи игр с участием своих любимчиков. Вызубрили наизусть все их шутки от первого до последнего слова. Изучили биографию кумиров в интернете на официальном сайте КВН. Узнали даты их рождения, привычки, предпочтения в еде, кино и музыке.

Каждую свободную минутку девушки теперь проводили в бесконечных обсуждениях «Краснодарских сусликов»:

– А эти его рыжие волосы! А скрытая печаль в глазах... Мне кажется, Стёпа по жизни очень одинок, ему явно не хватает тепла и заботы...

– О да! А очки, очки – ты когда-нибудь видела, чтобы парню так шли очки, как они идут Киру? Никогда не думала, что очкарики могут быть настолько сексуальными!..

Постепенно остальные подруги и университетские приятельницы стали потихоньку отсеиваться. Валька и Катрин превратились в собеседниц, способных поддерживать разговор на одну-единственную тему – а это, разумеется, не было никому особо интересно, кроме, разве что, таких же рьяных КВН-фанаток. Впрочем, девушки не сильно расстроились, им вполне хватало общества друг друга.

Они потихоньку копили деньги и внимательно следили за новостями: только после сочинского зимнего фестиваля КВН становился известен состав команд очередного сезона «вышки». Когда же «Краснодарские суслики» попали в этот список, радости подруг не было предела. Это означало, что теперь-то им с чистой совестью можно покупать билеты в Москву, чтобы попасть на одну-восьмую финала. Неужели они снова увидят своих любимчиков вживую, а не на экране телевизора?..

Воображение услужливо рисовало самые радужные и заманчивые картины: как обрадуются ребята, увидев знакомых девчонок из Самары (и Катрин, и Валька свято верили в то, что кавээнщики отлично их помнят), как они весело проведут эти несколько дней вместе, как будут болеть за любимых «сусликов» на игре, как... да что там лукавить, и романтические картинки им тоже представлялись весьма ясно и живо. Даже с налётом лёгкой – лё-о-огонькой – эротики.

Реальность же превзошла все их ожидания.

Москва, Казанский вокзал

Жека вывалилась из вагона на перрон в сильнейшем раздражении: какая-то дура заняла туалет на целых полчаса. Еле удалось потом умыться и наспех привести себя в порядок перед прибытием... Она привыкла всегда выглядеть если не безупречно, то хотя бы очень хорошо. Если же что-то в её внешности было не идеально – неровно нанесён тон, чуть смазана помада, сломан ноготь или локоны не укладываются послушными волнами – Жека чувствовала жуткую неуверенность в себе и зажималась, словно блестящая внешняя оболочка служила ей защитным скафандром. Впрочем, окружающие не догадывались о её тщательно скрываемых комплексах. Просто ей самой жилось с ними очень и очень неудобно...

На объективный же посторонний взгляд, Жека была настоящей красоткой: длиннющие белокурые волосы, миндалевидный разрез глаз, чувственные розовые губы, нежное лицо, наполняющее своим овалом сердечко благодаря чуть заострённому подбородку, пышная грудь и тонкая талия – короче, воплощённая мечта любого эротомана. Однако, впервые оказавшись после привычной родной Уфы под столичным небом, Жека заробела не на шутку. Она знала, что в Москве смазливых девиц – пруд пруди. Самые симпатичные и красивые девчонки со всех концов России, а то и из стран ближнего зарубежья, стекаются в этот город неиссякаемым потоком, и у каждой в мечтах – его амбициозное покорение...

Жека не планировала покорять Москву. Во всяком случае, не в этот раз. Это была пробная поездка, главной целью которой стала встреча с одним важным для неё человеком...

Девушка сделала глубокий вдох, и морозный февральский воздух обжёг лёгкие. Порыв холодного ветра резко шлёпнул по лицу, точно оплеуху отвесил, и Жека почувствовала, что её пальцы, сжимающие ручку чемодана на колёсиках, моментально заледенели. Полы короткой шубки не могли защитить ноги в тонюсеньких колготках, и Жека невольно сделала несколько притопов на месте. Однако, хватит тут стоять-глазеть да ворон считать – этак и задубеть недолго...

Не успела она пройти и десятка шагов, как её атаковали несущиеся навстречу таксисты.

– Девушка, такси желаете?

– Такси по городу, недорого!

– Куда ехать? Хорошую скидку сделаю...

Жека напустила на себя как можно более независимый и самоуверенный вид и царственно прошествовала мимо зазывал, даже не удостоив их небрежным взглядом – пусть думают, что её кто-нибудь встречает. На самом деле, у неё просто не хватило бы денег на такси. Бюджет нескольких московских дней был распisan буквально до последней копейки. Однако никто не догадался бы об этом, взглянув на самодовольную заносчивую красавицу: Жека привыкла не столько *быть*, сколько *казаться*.

Комплекс Казанского вокзала – величественная громада – показался Жеке самой прекрасной архитектурой, виденной ею за свои неполные двадцать пять лет. «Москва, Москва! – пело её сердце. – Я наконец-то здесь!» Она столько раз представляла себе это, но всё-таки до сих пор не могла окончательно поверить в то, что действительно находится в столице.

Схему вокзала Жека изучила заблаговременно, ещё в Уфе, поэтому, не мешкая, сразу же направилась к метро. Она избегала смотреть по сторонам, изо всех сил борясь с искушением зацепить мимолётным взглядом ларьки со всевозможной благоухающей снедью – от чебуреков и сосисок в тесте до кур гриль. Нырнув в переход, Жека вздохнула было с облегчением, но оказалось, что радоваться рано: внутри её снова подстерегали магазины с ароматной выпечкой и горячими обедами пассажирам в дорогу. На еде Жека тоже сэкономила, поэтому в животе предательски заурчало. Ничего, ей бы добраться до Лёли, а там, надо полагать, её всё-таки покорят...

Метро привело её в восторг. Длиннющие эскалаторы, ряды круглых молочно-белых плафонов, стремительно летящие поезда, музыканты в переходах, красивейшие станции, многие из которых – Жека читала – были признаны объектами культурного наследия и считались настоящими памятниками архитектуры.

Она быстро сориентировалась в московской подземке, как будто всю жизнь ею пользовалась: свободно и раскованно проходила сквозь турникеты, делала пересадки с одной линии на другую, умудрялась прошмыгнуть в открывшиеся двери поезда так, что успевала занять единственное свободное место в вагоне. Даже утренняя толкучка её не смущала. Люди ехали на работу и на учёбу, и Жека с упоением рассматривала их лица. Везунчики! Живут в самой Москве и даже не осознают своего счастья – вон какие хмурые, помятые и невыспавшиеся...

Правда, ей значительно подпортила настроение какая-то тётка, нависшая над ней и порвавшая своей сумкой Жекины колготки во время очередного рывка поезда.

– Корова, – громко пробурчала Жека, но не стала раздувать конфликт, чтобы не портить себе настроение. Колготок, разумеется, было жаль, но ещё жальче было терять то ощущение лёгкости, свободы и волшебства, овладевшее ею в Москве.

Выйдя на станции «Фили», Жека, немного волнуясь, достала мобильный телефон и набрала Лёлин домашний номер.

– Доброе утро, Ангелина Эдуардовна! – преувеличенно бодрым тоном поздоровалась она, заслышав в трубке женский голос – судя по всему, принадлежащий маме подруги. – Это Женя из Уфы... Лёля вам, наверное, про меня рассказывала?

– Да-да-да, Женечка! – радостно всполошилась женщина. – Я догадалась. Вы уже в Москве? Лёля вас ждёт... Вернее, мы обе ждём.

– Я, собственно, только что вышла из метро. Вы не подскажете, как мне до вас добраться? Точный адрес у меня есть, но хотелось бы поконкретнее.

– Ой, сейчас объясню, – засуетилась та. – Значит, так – садитесь в автобус номер шестьсот пятьдесят три и едете до остановки «Филёвский бульвар, двенадцать». Именно двенадцать, а не два! Это важно, не перепутайте.

– Запомнила, – отозвалась Жека, уже выискивая глазами автобусную остановку.

– А там, как выйдете – до нашего дома рукой подать! Его и с дороги видно, это семнадцатизэтажка... Ой, – голос Ангелины Эдуардовны зазвенел от радостного возбуждения, – как же мы вас ждём!

Уже сидя в автобусе, Жека всё вспоминала этот тон, этот счастливый голос. Ну надо же – как мамаша радуется тому, что к её дочери приехала гостя из Уфы, которую они обе до этого ни разу в жизни не видели...

Вероятно, у Лёли очень мало друзей, догадалась Жека. По крайней мере, в реальной жизни, а не в интернете.

Они познакомились именно в сети, на форуме любимого артиста, и за год очень сблизились, отправляя друг другу длиннющие письма по мейлу практически ежедневно. Лёля никогда не скрывала того, что у неё ДЦП, но Жеке и в голову не приходило задумываться о ней как об инвалиде или о физически неполноценной личности. В интернете их общение было абсолютно равноправным и взаимно интересным. Да, Лёля упоминала вскользь, что у неё некоторые проблемы с самостоятельным передвижением и речью, но в сети это не играло абсолютно никакой роли. Лёля была умным, тонким и приятным во всех отношениях собеседником.

Впрочем – Жека не хотела врать самой себе, да и Лёле тоже – главной причиной поездки в Москву была вовсе не встреча с виртуальной подругой... Скорее уж, Лёля и её квартира стали для Жеки удобной бесплатной гостиницей. Девушка не навязывалась, нет – но, многозначительно упомянув, что планирует февральскую поездку в Москву, даже не удивилась, получив

от Лёли радушно приглашение остановиться у них с мамой на эти несколько дней. Всё складывалось как нельзя удачнее и удобнее...

Первая встреча слегка выбила благодушно настроенную Жеку из колеи.

Нет, она не забыла, что у Лёли ДЦП – просто, видимо, никогда не сталкивалась с этим диагнозом вплотную и плохо представляла себе, что это вообще такое. Когда же, широко улыбаясь и что-то неразборчиво-радостно мыча, в прихожую вышла, сильно прихрамывая и выворачивая ногу, худенькая большеглазая девушка, Жека не сразу связала этот образ с тем, что нарисовался в её воображении. Да, лицо, несомненно, было Лёлино, они обменивались фотографиями, но всё остальное... «Боже, да она же совсем не разговаривает!» – ошеломлённо поняла Жека. Вернее, что-то, конечно, Лёля всё же пыталась произнести, но с непривычки невозможно было разобрать ни слова в этом невнятном наборе нечленораздельных звуков. И это та самая Лёля, которая писала ей чудесные умные письма на несколько вордовских листов и присылала потрясающие стихи собственного сочинения?!

Впрочем, Жека ничем не выдала своей растерянности и охватившего её смутения. Лучезарно улыбнувшись, она приобняла Лёлю за плечи, чмокнула в щёку в качестве приветствия и с явным облегчением перевела взгляд на маму подруги.

– Проходите, проходите, Женечка! – захопотала та. – Давайте ваш чемодан, я отнесу его в спальню... Боже, вы в колготах, да мыслимое ли дело – в феврале?! Быстренько переодевайтесь во что-нибудь тёплое, вам срочно нужно согреться, я сейчас же поставлю чайник... Или, может, сначала набрать горячую ванну?

– Ох, было бы чудесно, – обрадовалась Жека, мечтающая помыться после суток, проведённых в поезде. К тому же, в ванной она могла остаться одна и немного привыкнуть к сложившейся ситуации. Пока что она старательно избегала Лёлиного взгляда, делая вид, что всецело поглощена разговором с её матерью, и уповая на то, что не слишком переигрывает с искренним интересом.

– Тогда идёте, я там всё покажу... Дать вам, во что переодеться, или у вас есть?

– У меня с собой, спасибо, – кивнула Жека. Не удержавшись, она всё-таки покосилась в сторону Лёли и поймала встречный взгляд, полный такого неподдельного радушия и счастья, что, не удержавшись, невольно ласково улыбнулась подруге в ответ. Ей даже стало немного стыдно за свою первоначальную реакцию. В конце концов, Лёля не была умственно отсталой. Она просто... не может выразить свои мысли вслух, как все здоровые люди. Это же не значит, что она дура. За время их общения Жека уже убедилась, что Лёля – натура творческая и весьма интересная.

В спальне, где хозяйки деликатно оставили её одну, чтобы она могла спокойно достать всё необходимое из чемодана, Жека сразу же обратила внимание на большую фотографию в рамочке, висевшую на стене на самом видном месте. Она отвлеклась ненадолго от своего чемодана и подошла поближе, чтобы получше рассмотреть фото.

На снимке была запечатлена Лёля – сияющая, нарядная, разрумившаяся от удовольствия – в обнимку с известным российским артистом Александром Белецким.

Тем самым человеком, ради которого Жека, собственно, и притащилась из Уфы за тысячу километров.

Индия, Нью-Дели

Оказавшись в спасительном одиночестве гостиничного номера, Анюта рухнула на огромную двухспальную кровать и, наконец, дала волю слезам. Она плакала взахлёб, с упоением, сладко подвивая и скуля в подушку, чувствуя себя невообразимой идиоткой.

– Дура... лохушка... – невнятно повторяла она сквозь рыдания. – Получила, да?.. Доказала всем, какая ты смелая и отчаянная?.. Дебилка конченная... Домохозяйка тупая...

Сквозь плотно закрытое окно номера до неё всё же глухо доносилась бешеная какофония звуков делийских улиц. Бесперывные гудки машин и рёв скутеров, звон колокола из ближайшего индуистского храма, пронзительные крики детей... Какие дети, боже мой, подумалось мимолётно. Время – почти полночь по местному времени. Они тут спят когда-нибудь или нет?! Или, как гласит один из болливудских фильмов – «дорогая, это Индия»? Просто прими как данность и не парься?..

Все родственники, подруги и знакомые, узнав, что Анюта собирается лететь в Индию (в одиночку! в первый раз! да ещё и без тура, самостоятельно!), считали своим долгом просветить её на предмет того, какая это нищая, грязная и дикая страна, какие страшные опасности со смертельными болезнями будут подстерегать её с того самого момента, как только её нога ступит с трапа самолёта на индийскую землю. Она же только счастливо отмахивалась, заливаясь беззаботным смехом: ах, дескать, не надо меня запугивать, я перелопатила тонны информации в интернете и всё прекрасно знаю сама.

– Знаю, ага! – со злостью выругалась Анюта, вспомнив былую самоуверенность, и изо всех сил принялась колошматить по многострадальной подушке кулаком, уминая её то так, то этак.

Её «развели» в первые же пару часов после прилёта. Развели красиво, с поистине индийским артистизмом. Это можно было оправдать либо полным отсутствием у Анюты мозгов, либо тем, что мозги эти просто находились в затуманенном состоянии из-за эйфории. Ну как же – Индия! Страна мечты!..

О путешествии Анюта грезилась целый год, но грёзы эти не были подпитаны реальной уверенностью в том, что когда-нибудь ей удастся осуществить задуманное. Это была просто красивая сказка – яркая, экзотическая, манящая; овеянная ароматами благовоний и пряностей, наполненная мелодиями благородного ситара и перезвоном тонких серебряных браслетов, сияющая жемчужными улыбками на смуглых приветливых лицах...

В детстве и юности волна индомании и все эти «хинди-руси бхай-бхай» обошли Анюту стороной. Она не подпевала Раджу Капуру в «Бродяге» и Митхуну Чакраборти в «Танцоре диско», не следила, затаив дыхание, за перипетиями судьбы волооких красавиц-близняшек Зиты и Гиты... Накрыло её гораздо позже, когда она уже успела выйти замуж и родить троих детей.

Первая беременность была запланированной и желанной. Родилась дочка Юлька, егоза и непоседа. Просидев пару лет в декрете и вволю накушавшись «счастья материнства» с его лактостазами, ночными кормлениями, недосыпами, коликами, зубками, аллергией, перепачканными пелёнками и подгузниками, Анюта сбежала на работу, сверкая пятками и сплавив дочь в ясли. Юльку она обожала, однако совершенно точно уверилась в том, что детей больше не хочет.

А когда дочка пошла в первый класс, Анюта неожиданно снова забеременела. Случилась осечка, ни она, ни муж не собирались заводить ещё малышей, и оба были не в восторге от перспективы второй раз становиться родителями. После долгих и мучительных колебаний Анюта

решила сделать аборт, но на УЗИ врач озадачил её тем, что, оказывается, она вынашивает не одного младенца, а целую двойню.

Сказать, что Анюта испытала шок – ничего не сказать. Если с мыслью о том, что придётся убить не рождённого ещё ребёнка, она как-то примирилась, то погубить целых две жизни уже не представлялось ей возможным. Стиснув зубы, Анюта решила рожать...

Так на свет появились разнополые близняшки- «королевская двойня», Костик и Алиса. Знакомые и родня поздравляли с этим знаменательным событием и радовались, как всё удачно и удобно сложилось: и сын, и дочь в один присест! Анюта же слушала их поздравления и искренне не понимала – они что, издеваются? В чём удобство разнополых детей-ровесников? Это разные комплекты одежды, разные игрушки, разные особенности развития и темперамента, разные подходы к воспитанию...

Ещё во время беременности, которая протекала вовсе не так легко и радужно, как первая, Анюта ощущала себя развалиной. Болело всё тело, обострились проблемы со здоровьем, на которые она до этого привыкла не обращать внимания. Она стала неповоротливой и огромной, как дирижабль, и иногда всерьёз опасалась того, что может застрять со своим безразмерным животом в дверях лифта. Когда же дети родились, стало ещё сложнее – как морально, так и физически.

У младенцев оказались совершенно разные биологические ритмы и, соответственно, разный режим. Пока Костик спал – Алиса орала, и наоборот. У них были различные вкусовые предпочтения. Героические мамы, которые готовили каждому ребёнку индивидуальное меню, вызывали у Анюты священный трепет. Ей проще было не заморачиваться и вовсе не готовить то, что хотя бы один заведомо не станет есть. Анюта забыла, что такое не просто «высыпаться», а вообще «спать». Она напоминала самой себе загнанную лошадь. Иными словами, малыши измотали Анюту вконец. Она совершенно махнула на себя рукой, как женщина: о красоте ли думать, когда даже принять душ удаётся не всегда, а только если сильно повезёт и выдастся пять минут свободного времени? Иногда Анюта ловила на себя взгляды мужа исподтишка, но в них больше не было ни восхищения, ни нежности, ни даже простой страсти: в глазах Сергея явственно читалась досада на то, как она себя распустила.

А тут ещё вечные доброжелатели и советчики с идиотскими вопросами, предложениями и сравнениями. Особенно преуспевала в этом деле свекровь.

«А почему ты их не одеваешь одинаково? Ну и что, что разнополые...»

«А почему у Алисы уже четыре зуба, а у Кости ни одного? А почему Алиса лопочет первые слова, а Костя до сих пор молчит?»

«Ой, как у тебя поредели волосы... скоро совсем облысеешь! И цвет лица такой несвежий... Слушай, а чего брови не выщипываешь? Они у тебя совсем форму потеряли...»

«А приучать детей к горшку не пробовала? Ну и что, что ещё не сидят – можно же самой подержать их на руках над раковиной!»

В такие моменты Анюте просто хотелось придушить всех любопытных и сочувствующих – кротости в ней не осталось ни капли.

Она зверски завидовала мужу, который ежедневно с полным правом удирал из их семейного дурдома на работу и целый день наслаждался свободой. Более того – возвращаясь домой, Сергей мог ещё и недовольно скривить физиономию, если на ужин ему подавались магазинные пельмени. «Ну ты же целый день сидишь дома, неужели так сложно приготовить нормальный обед?» – заикнулся он как-то, не подумав о последствиях, и Анюта поймала себя на том, что всерьёз сжимает в руках ручку тяжёлой чугунной сковородки, планируя огреть мужа по башке...

Поначалу Анюта планировала выйти на работу как можно скорее (в ясли принимали и годовалых детишек), но муж со свекровью охладил её пыл. «Малышам нужны материнское тепло и домашний уют, а не казённые стены. Посиди-ка ещё несколько лет дома, дорогая, мы

можем себе это позволить...» А ей стыдно было признаться, что она медленно сходит с ума и изнывает от скуки в своей домашней тюрьме.

Чтобы окончательно не спятить, Анята стала брать у соседки-ровесницы диски с различными сериалами и фильмами. Она включала их как фон, пока занималась привычной домохозяйской рутинной – стирка, уборка, глажка, готовка, кормление... Однажды среди кипы киношных новинок Анята обнаружила невестку как затесавшийся туда индийский фильм под названием «Несбежавшая невеста» и, недолго думая, вставила его в DVD-плеер. Какая разница, что смотреть, вернее – слушать... Индийский фильм даже лучше, там, наверное, много музыки и песен, подумала она.

На экране под нежную и завораживающую традиционную мелодию поплыли бескрайние пенджабские просторы.

– В главной роли – Шакир Кхан, – произнёс за кадром голос переводчика, и камера выхватила посреди жёлтого горчичного поля фигуру индийского мужчины. Он стоял к зрителям спиной, широко раскинув руки, словно принимал весь мир в свои объятия.

Камера приблизилась, объехала главного героя сбоку и явила Аняте его лицо крупным планом.

Смуглый, кареглазый, с длинными ресницами – любая девушка позавидует! – и густой чёрной шевелюрой индеец улыбнулся, отчего на его щеках заиграли очаровательные озорные ямочки... Анята даже не заметила, как выпустила из рук охапку грязного белья, которое собралась запихнуть в стиральную машинку, и села прямо на пол перед телевизором, не в силах оторвать взгляд от экрана.

Она пропала.

Вот так – на тридцать пятом году жизни, внезапно – и началось её увлечение Болливудом. Вернее, не столько Болливудом, сколько его Королём, как называли Шакира Кхана поклонники и СМИ. Посмотрев «Несбежавшую невесту» от начала до конца, а затем, в течение пары следующих дней, пересмотрев фильм ещё несколько раз, Анята на подкашивающихся ногах отправилась к соседке и спросила, стараясь не покраснеть, как малолетняя дурочка, нет ли у неё ещё фильмов с этим самым... ну, как его... с Кханом, что ли...

Соседка всучила ей ещё несколько дисков. Всё глубже и глубже погружаясь в чарующий мир индийского кинематографа с этим невероятным артистом, Анята с удивлением осознала, что фильмы Индии давным-давно ушли от привычных, высмеянных всеми канонов о разлучённых близнецах и одинаковых родинках, драках со звуками ударов по перевернутому тазу, а также о набивших оскомину дурацких песнях в стиле «Джимми, Джимми». Оказывается, Болливуд мог снимать не просто красивое, но и очень душевное кино, в котором находилось место любому жанру: и романтической комедии, и боевику, и психологическому триллеру, и социальной драме, и фантастике...

Теперь, выходя в интернет, Анята только и делала, что искала информацию о любимом артисте. К её величайшему удивлению (и поначалу – даже небольшому разочарованию), оказалось, что в России у него тоже море фанатов, так что она не оригинальна в своей привязанности. Зато на форумах единомышленников можно было оперативно узнавать самую свежую информацию о кумире, читать переводы статей о нём из индийских источников, отслеживать новинки и делиться впечатлениями о просмотренных фильмах... Это было так здорово – общаться с людьми, которые находились на одной волне с тобой! Девушки могли на несколько страниц, не скупясь на эпитеты, обсуждать его «миленькие ямочки», «бездонные глаза», «сексуальную фигуру», «зовущие губы» и прочая, прочая, прочая...

Анята узнала, что Шакир Кхан давно и счастливо женат – уже двадцать лет на одной и той же женщине, редкость для шоу-бизнеса. Что ему почти сорок. Что он – отец троих детей... Последнее обстоятельство особенно радовало Аняту, словно делало её – простую рос-

сийскую мамашу в декрете – и его – суперзвезду индийского кино, которого боготворят миллионы – близкими людьми, почти сообщниками.

Больше всего её поразило, что на форуме были зарегистрированы девочки, которые летали в Индию и *лично встречались* с любимым актёром! Анюте это казалось чем-то запретным, заоблачным, невообразимым... Форумчанки же представлялись ей настоящими авантюристками и героинями.

Она изучила фотографии и отчёты о встречах с кумиром вдоль и поперёк, страшно завидуя девчонкам и одновременно радуясь, что Шакир не заносчивый звёздный тип, а простой, общительный и очень добрый человек... Эмоции во время чтения рассказов фанаток-счастлиц у неё буквально зашкаливали. Если Аня так волновалась, то каково же было им?!

«Пока мы его ждали у ворот, аж тряслись все... кто валерьянку пил, кто в обморок падал... У меня был дикий мандраж, но я держалась из последних сил!»

«Мы ждали минут сорок. И тут он выходит! ООООО... АААА... Паника внутри! Я была в шоке! Он выглядел настолько сексуальным! Я не верила своим глазам...»

«Подарили цветы, сказали: „Рама лавз ю, ви лав ю!“ От волнения я все английские слова забыла... Он нам всем по очереди пожал руки, моя рука в этот момент просто нереально дрожала...»

«Встали рядом для фотки, он меня приобнял за плечи, я чуть не рухнула! ААААА, ко мне прикоснулся Ангел!!! А какой от него шёл аромат! Божественно! Неповторимо! Нежно!»

«Когда он фотографировался со мной, я не выдержала и сказала по-английски: „Шакир, я люблю Вас!“ Он смутился и ответил „спасибо“. В течение этого маленького диалога мы смотрели в глаза друг другу... А потом он наклонился ко мне, обнял и поцеловал в правую щёку. Вы можете поверить этому?! Это было так мило!»

«Потом он сел в машину, послал нам воздушный поцелуй и уехал. А мы не верили своему счастью. Как заорём!!! Кто „ура“, кто „хвала небесам“, кто просто „ааа“... Я никак не могла взять себя в руки, просто не контролировала себя...»

Но, читая все эти сообщения и дико завидуя, Аня даже в самых дерзких мечтах не могла представить себя на месте тех осчастливленных девушек...

Санкт-Петербург, Невский проспект, отель «Форум»

– Ваш паспорт, пожалуйста, – с улыбкой попросила ресепшионистка. Мила, посмеиваясь про себя, протянула требуемый документ.

Восемнадцать ей исполнилось несколько недель назад, но она всегда выглядела значительно младше своего возраста. Мила готова была побиться об заклад, что девушка приняла её за какую-нибудь сопливую малолетку, сбежавшую от мамочки.

– Спасибо, – паспорт вернулся на стойку. – Ваш номер триста семнадцать, будьте любезны, подождите немного, там сейчас как раз заканчивают уборку.

– Скажите, – поинтересовалась Мила, – а Тим Солнцев со своими музыкантами уже заседелся? На каком они этаже?

Лоб девушки пересекла озабоченная морщинка.

– Мы не даём справок о наших постояльцах, извините...

– Да пожалуйста, – Мила дёрнула плечиком. Она и так знала, что Тим на всё время питерских гастролей остановится именно в «Форуме», его пресс-секретарша проболталась. Как раз по этой причине Мила и выбрала данный отель, хотя он был и не из дешёвых. Игра однозначно стоила свеч – нечасто поклонницам выпадает шанс провести несколько дней в такой волнующей близости от любимой звезды!

Она неторопливо отошла от стойки ресепшн, опустилась в коричневое кожаное кресло и принялась исподтишка изучать постояльцев отеля, бросая любопытные взгляды по сторонам. Интересно, Тим здесь или ещё нет?.. Сердце возбуждённо колотилось, в животе порхали бабочки. Может, поездка в Питер и была авантюрой (пришлось прогулять несколько школьных дней), но это была лучшая авантюра в её жизни!

Мила почти не сомневалась в том, что во время этих гастролей у них с Тимом что-нибудь получится. Она так долго ждала этого... Целых пять лет – с тех самых пор, как впервые увидела молодого певца в телевизионном шоу «Взлётная полоса», победителем которого он в итоге и стал. Тринадцатилетняя девчонка была очарована его ясными голубыми глазами, открытой подкупающей улыбкой и – самое-то главное! – его необыкновенным, завораживающим голосом. Она влюбилась в образ с экрана и поклялась себе в том, что станет девушкой Тима Солнцева – рано или поздно.

Впервые попасть на его живое выступление Миле удалось только в шестнадцать лет. До этого мама категорически запрещала ей самостоятельно посещать концерты – неважно, с подругами или без. Потом смиликовалась, но позволяла ходить только на те шоу, которые начинались и заканчивались не слишком поздно. Ночные клубы отпадали сразу же, однако оставались выступления в различных концертных залах (сольники и сборные), а также записи телевизионных передач с участием Солнцева. Мила знала, что, к примеру, на Муз-ТВ и MTV частенько набирают зрительскую массовку из поклонников того или иного артиста, и тщательно изучала информацию по поводу всех предстоящих съёмок и эфиров Тима.

Теперь ей казалось, что это было так давно... Первый концерт, первый подаренный кумиру плюшевый мишка, первый автограф, первое совместное фото... Ту ночь после концерта она провела без сна, ворочаясь на своей постели и то и дело заливаясь слезами счастья, до конца не веря в то, что ей удалось пообщаться со своим божеством вживую.

Постепенно Тим стал узнавать её, выделять в толпе, приветливо кивать и здороваться. Затем он запомнил её имя... Ну, а год назад – и это было вершиной её триумфа – Мила стала президентом московского фан-клуба Тима. Можно сказать, все столичные фанатки Солнцева отныне находились в её подчинении. Она организовывала совместные походы на концерты, собирала деньги на подарки певцу, договаривалась об автограф-сессиях с ним, водила своих

девочек на съёмки музыкальных программ, обеспечивала поддержку Тиму на красных дорожках во время всевозможных церемоний награждения...

Он ценил её. Она в это верила. Однако... как и любой фанатке, ей хотелось большего. Не просто «спасибо вам большое, девчонки» или «Мила, привет, как дела?» Дежурных благодарных поцелуев в щёчку от кумира стало недостаточно. Она мечтала совсем о другом. О том, что когда-нибудь Тим разглядит в ней не просто поклонницу, а симпатичную девушку, которая могла бы стать для него верной подругой и спутницей... Конечно, он мог сдерживаться и не давать волю чувствам, даже если она действительно ему нравилась (а в этом Мила была абсолютно уверена: если человек тебе безразличен, ты не станешь *так* улыбаться и *так* на него смотреть). Но всё-таки, в его глазах она была всего лишь неопытной школьницей... Поэтому своего восемнадцатилетия Мила ждала с особым трепетом. Она верила, что теперь-то у них непременно всё получится. Должно получиться!

Мила точно знала, что на данный момент Тим свободен. Со своей официальной подругой, певичкой Марьяной Лукашкиной, он расстался ещё в позапрошлом году. Примерно в то же время СМИ начали проявлять интерес к его якобы роману с актрисой Светланой Звёздной, которая снималась у него в клипе. Мила ни секунды не верила в их связь, потому что Светлана была на целых пятнадцать лет старше Тима. Разве можно в трезвом уме встречаться с сорокалетней старушкой?! И правда, слухи об их отношениях вскоре сами собой стихли – и с тех самых пор папарацци не смогли засечь Солнцева ни с одной дамой, как ни старались.

На вопросы журналистов, свободно или занято его сердце, Тим всегда отшучивался: «Я женат на своей работе!» Но Мила тешила себя иллюзией, что он просто бережёт своё сердце для неё одной...

Поездка в Питер была подарком родителей к её восемнадцатилетию. За неделю до дня рождения мама зашла в комнату Милы, чтобы выпытать, чего требует доченькина душенька на свой праздник. В их семье было принято открыто заявлять о своих «хотелках» – это казалось куда более разумным и удобным, чем делать подарки-сюрпризы и нередко попадать с выбором впросак.

Мила лежала на кровати с плеером в ушах и негромко подпевала очередной песне (конечно же!) Тима Солнцева. За эти несколько лет мама уже успела привыкнуть к её фанатизму, но сейчас словно по-новому взглянула и на дочь, и на стены её комнаты, от потолка до пола завешанные постерами Тима из журналов «Молоток», «Все звёзды» и «Bravo». Тихонько вздохнув, мама присела на краешек кровати. Поймав её взгляд, Мила сняла наушники и вопросительно уставилась на родительницу.

– Что-то случилось?..

Мама забыла о первопричине, которая привела её в комнату Милы. Она помялась немного и, наконец, нерешительно поинтересовалась:

– Может, тебе стоит обратить внимание на реальных мальчиков? – голос её звучал мягко и понимающе. – Вон Андрей Светлов как на тебя посматривает всегда... хороший парень очень, и влюблён в тебя с первого класса.

– Мама! – моментально взвилась Мила. Губы её задрожали от обиды и возмущения. – А мне-то казалось, что хотя бы ты меня понимаешь... На самом деле, ты тоже не веришь, что к Тиму у меня – *настоящее* чувство?

– Да верю, конечно, – устало вздохнула мать. – Вот только к чему это приведёт? Ты влюблена в звезду. В картинку. В образ...

– Ну и что, что он звезда! Он никакой не образ, а живой человек. Я действительно люблю его, и верю, что мы будем вместе. А больше никто из парней мне и даром не нужен! Они все ему в подмётки не годятся!

– Ты его слишком идеализируешь, – удручённо произнесла мама. – Ты же совсем не знаешь его...

– Знаю! – запальчиво вскинулась дочь. – Я знаю о нём абсолютно всё! Все его привычки, и любимые блюда, и фильмы, и песни!..

Мама только безнадёжно махнула рукой. Переубедить Милу с помощью разумных доводов и логики не представлялось возможным. Наверное, следовало просто набраться терпения и немного подождать, когда она перерастёт своё юношеское увлечение. Даст бог, сама всё осознает и поймёт...

– Я вообще-то по другому вопросу пришла, – мама примирительно улыбнулась. – Что бы хотела получить от нас с папой ко дню рождения?

Ответ сорвался с Милиных губ сразу, словно был заготовлен заблаговременно.

– Поездку в Питер во второй половине февраля!

– Питер? – удивилась мама. – С чего вдруг?

– У Тима там будет два концерта, – пояснила Мила, счастливо улыбаясь. – Я очень хотела бы их посетить.

Мать нахмурилась, но не рискнула возобновлять опасную и явно неприятную для дочери тему.

– Я правильно понимаю – ты хочешь поехать туда... одна? – уточнила она. Мила фыркнула.

– Ну не вас же с папой поташу за собой! Но ты не волнуйся, многие девочки из фанклуба тоже поедут, так что там будет достаточно знакомых.

– А где ты там остановишься?

– В гостинице, конечно. Мам, мне уже исполнится восемнадцать, меня поселят одну без проблем!

– Хорошо, – мать поднялась. – Я поговорю с папой по этому поводу. Если он одобрит, то... в конце концов, ты и правда уже взрослая.

– Спасибо! – счастливо крикнула Мила ей вслед.

Вот так она и оказалась в Петербурге.

Так и не обнаружив в холле ничего – вернее, никого – интересного, Мила направилась к лифту. Доехав до третьего этажа, она подошла к своему номеру, и вот тут ей сказочно повезло: не успела она открыть дверь, как краем глаза ухватила в противоположном конце коридора знакомую женскую фигуру. Поняв, кто это, Мила едва не взвыла от радости: это была Лика Воронцова, бэк-вокалистка Тима.

Девушка появилась в музыкальной команде Тима около года назад. Поначалу поклонницы восприняли её появление настороженно, почти в штыки: молодая, красивая, талантливая... их потенциальная конкурентка и претендентка на сердце Тима. Но вскоре, раскопав всю подноготную новенькой вокалистки, девчонки вздохнули с облегчением: она была замужем, так что поводы для волнения оказались надуманными.

Увидев, что девушка, заперев дверь своего номера, собирается вызвать лифт и уехать, Мила замахала руками и отчаянно заголосила:

– Лика, подожди!!!

Та обернулась в её сторону и прищурилась, пытаясь понять, кто это. В отличие от Тима, Лика не знала всех фанаток в лицо и поимённо. Однако Милу это не смутило.

Она торопливым шагом приблизилась к вокалистке и улыбнулась самой приветливой улыбкой из всех, на которую только была способна.

– Привет! – поздоровалась она. – С приездом в Питер!

– Спасибо, – коротко отозвалась Лика и посмотрела на Милу выжидающе, явно не настроенная растекаться в ответных реверансах. Она отнюдь не была дурой и прекрасно

понимала всю подоплёку фанатских любезностей и дружеских заигрываний с ней: в глазах девочек, которые сходили с ума по Тиму, она была особой, приближённой к кумиру, только и всего.

– Как дела? – тянула время Мила, не сообразив сходу, о чём можно с ней поговорить и, главное, как бы поделикатнее да половчее выяснить, в каком номере остановился Тим.

– Нормально, – пожала плечами Лика и выразительно покосилась на свои наручные часы.

Мила поняла, что вокалистка торопится, и неожиданно для самой себя вдруг выпалила:

– Слушай-ка... скажи мне, а Тим... у него кто-то есть?

Лика заметно напряглась.

– В каком смысле?

– Я имею в виду – девушка. Подруга... Ну, я просто подумала... вы же с ним вместе работаете, всё на виду, в том числе и личная жизнь. Ты наверняка знаешь.

– А почему я должна лезть в его личную жизнь и – тем более – раскрывать секреты Тима окружающим? – отшила её Лика. Как будто ледяной водой окатила. Мила насупилась и растерялась, не зная, что ответить.

– Мне пора, – сухо сказала Лика. Обернувшись, бросила напоследок:

– «Вы» надо старшим говорить.

«Сука!» – подумала Мила, наблюдая, как скрывают вокалистку створки лифта.

Санкт-Петербург

Почему-то слова о том, что у Тима может быть девушка, сильно уязвили Лику. Пока лифт ехал на первый этаж, она прислонилась разгорячённым лбом к зеркалу и шумно выдохнула. Ей было... неприятно. Хоть она и знала, что у него никого нет, всё равно на душе скребли острыми коготками невидимые кошки. Лика заранее ревновала к этой теоретической девушке – подружке Тима, которая у него когда-нибудь, наверное, всё же появится.

Лика, конечно же, знала – не могла не догадываться – как напрягло всех девочек-фанаток её появление в команде любимого певца. Она видела, как недоверчиво косятся в её сторону девчонки на концертах, как следят за их общением с Тимом – сколько раз они переглянулись, сколько раз улыбнулись друг другу, сколько раз что-то шепнули на ушко... Потом, разведав, что она замужем, поклонницы успокоились и уверились в том, что с Ликиной стороны им ровным счётом ничего не грозит. Знали бы они...

Тим и Лика были влюблены друг в друга ещё подростками, недолго проучившись вместе в десятом классе средней школы города Ярославля. Это было первое серьёзное чувство для обоих – так искренне, захлёб, любить можно только в шестнадцать. Потом, волей обстоятельств, Лика вынуждена была уехать в Москву, и их пути надолго разошлись.

Девушка мечтала поступить в Гнесинку, стать знаменитой певицей... но не сложилось. Она рано вышла замуж, получив предложение от знакомого бизнесмена, устроилась администратором в молодёжное кафе и уверяла себя в том, что абсолютно счастлива. Крепкая дружная семья, любящий заботливый муж, достойная работа... разве этого мало? А сердце нет-нет, да и принималось украдкой тосковать.

Тим тоже приехал в столицу, окончил ГИТИС, затем неожиданно стал победителем популярного вокального телешоу и вскоре сделался известным на всю страну.

Лика и сама не отдавала себе отчёта в действиях, когда однажды, набравшись храбрости, нашла его номер телефона, позвонила и попросила взять к себе бэк-вокалисткой. Тим не просто удивился её звонку и просьбе – он был по-настоящему шокирован.

– Я вдруг поняла, что то, чем сейчас занимаюсь... это не совсем моё, – смущённо пролепетала она в трубку. – Сцена – вот именно то, о чём я всегда мечтала... Только, пожалуйста, не отказывай сразу! Может быть, сначала послушаешь, как я пою?..

Не без колебаний Тим назначил ей встречу в своей студии, чтобы обсудить детали с продюсером, а заодно и прослушать девушку. Лика собиралась на это творческое испытание, как на романтическое свидание. Она несколько раз сменила наряд: то ей казалось, что она одета слишком вызывающе, то, наоборот – скучно и серо, как чопорная старая дева. Чего скрывать – она волновалась не только из-за собеседования и прослушивания. Предстоящая встреча с Тимом одновременно и пугала, и радовала её, будоража кровь.

С профессиональной стороны всё прошло как нельзя лучше, продюсер остался от неё в полном восторге. На сольную певицу Лика не тянула, маловато было индивидуальности и харизмы, а вот в качестве бэк-вокалистки действительно подходила просто идеально.

Что касается Тима, то он плохо запомнил, о чём они вообще беседовали, что обсуждали в офисе. Он просто любовался Ликой: её тоненькой ладной фигуркой, нежной кожей фарфорового лица, глазами, как у Бемби, и такими же длинными и стройными, как у оленёнка, ногами, светло-русыми густыми волосами, рассыпающимся по плечам... Он закрывал глаза и вслушивался в звук её мелодичного голоса, не особо вникая в то, что она говорит. Он соскучился по ней... дико соскучился, хоть и убеждал себя столько лет подряд, что всё прошло и забылось. И всё же... всё же... было что-то неправильное в том, что она хотела работать с ним вместе. Какой-то мучающий его внутренний диссонанс.

Когда всё закончилось, Тим предложил подвезти Лику до дома, чтобы ей не пришлось трястись на общественном транспорте. Предложил – и сам рассердился на себя: ну кто тянул его за язык? Оказывается, он не был готов остаться с ней наедине. Точно боялся не справиться с обуревающими его эмоциями...

Он сосредоточенно вёл машину, уставившись прямо перед собой, и ни разу не посмотрел на Лику. Она, чувствуя витающее в воздухе напряжение, беспокойно ёрзала на сиденье и искоса кидала в сторону Тима виноватые взгляды.

– Ты сердишься на меня за что-то? – спросила она наконец, когда молчать стало совсем неприлично.

– Я не думаю, что это удачная идея, – отозвался он ровным голосом. – Имею в виду, твою работу со мной...

– Ты не хочешь меня видеть? – растерялась Лика. – Тебе не нравится, как я пою?

– Я тебя очень хочу... видеть, – он нервно сглотнул. – И поёшь ты замечательно. Просто... Мне будет тяжело постоянно находиться с тобой рядом. Понимаешь?.. – он впервые перевёл взгляд на неё. Лика вспыхнула и опустила глаза. Не то, чтобы она не понимала... она просто боялась понять.

– А как же твой муж? – с усилием оторвав взгляд от её лица и вновь уставившись на дорогу, поинтересовался Тим. – Он не против твоей, такой резкой, смены деятельности?

– Муж... – рассеянно откликнулась Лика. – Нет, он не против. Точнее... ему всё равно, – она невесело усмехнулась.

– У вас с ним проблемы? – догадался он.

Лика долго молчала. Он уже решил, что ответа на его вопрос, действительно не слишком-то деликатный, и вовсе не будет, когда она тихо призналась:

– У него серьёзные неприятности в бизнесе. Он постоянно напряжён и не может думать ни о чём другом. Даже моя поддержка ему не нужна. Я пытаюсь подбодрить и утешить его, как могу, но он только срывается и кричит... Я так устала от вечных скандалов дома. От его претензий. От собственной однообразной работы... Хочу попробовать что-то новое, для души, понимаешь?.. Иначе – вообще никакого просвета...

Лика снова замолчала. Конечно, при желании она могла бы добавить, что абсолютно уверена: их с мужем брак вот-вот закончится. Они не справились. Не смогли. Стали чужими друг другу... Но она удержалась от этой заключительной откровенности. Тим и так услышал слишком много личного.

– Значит, ты меня нашла не потому, что соскучилась, а просто потому, что тебе понадобилась новая работа? – уточнил он бесстрастным тоном.

«А может быть, работа – это всего лишь предлог, – мелькнуло у неё в голове. – Вдруг я обманываю и себя, и Тима – а на самом деле просто не могу выдумать никакой другой причины, чтобы видеть его почаще...»

– Как понимать твоё многозначительное молчание? – улыбнулся Тим невесело. – Боишься сказать мне правду? Не волнуйся, я всё понимаю.

– Пожалуйста, – Лика обратила в его сторону умоляющий взгляд, – дай мне шанс начать новую жизнь. Мне сейчас это... ужасно необходимо.

Тим глубоко вздохнул. Будь его воля – он бросил бы к чёрту этот проклятый руль и сжал бы девушку в объятиях. Впился бы в её зовущие губы жадным, истосковавшимся поцелуем. Запустил бы пальцы в её густые, волшебным пахнущие волосы... Чёрт. Он с трудом прогнал наваждение. Знала бы Лика о его тайных желаниях...

– Хорошо, – сказал он наконец. – В конце концов, мы ничего не теряем. Давай попробуем поработать вместе.

На удивление, профессиональные отношения складывались у них легко, словно они занимались этим всю жизнь. И Тим, и Лика были трудоголиками, влюблёнными в музыку, поэтому все разговоры в студии велись только на тему работы. Яркая, общительная и весёлая девушка быстро влилась в компанию остальных музыкантов, и те охотно приняли её в свой круг. До этого в их небольшом дружном коллективе было лишь две особы женского пола – пиар-агент, она же пресс-атташе, и секретарша, которая выполняла работу попроще: отвечала на звонки, распечатывала и отправляла документы, а также варила всем кофе. Однако Лика, хоть и была новенькой, куда быстрее стала для ребят «близкой» и «своей», потому что делила с ними главное – Её Величество Сцену.

Продюсер не мог на неё нахвалиться. Лика поразительно тонко и точно чувствовала Тима, выступая у него на «бэках», поэтому все его песни принимали куда более глубокое и проникновенное звучание. Особенно важно это было на живых выступлениях, где не спасли бы никакие новомодные компьютерные примочки и технологии, уместные лишь в записи.

Среди людей, далёких от мира музыки, нередко бытовало распространённое заблуждение, что бэк-вокалисты – это практически чернорабочие, музыкальные «негры», которые подпевают солисту только потому, что не способны на большее. Однако вся команда Тима, и он в том числе, понимала, какой бриллиант им достался. Второстепенные вокальные партии зачастую бывали даже сложнее основных, поскольку Лике приходилось подстраиваться под исполнительские особенности Тима, а не наоборот. Тим безмерно уважал и ценил Лику за это. К тому же, её поразительная самоотдача, готовность в ту же секунду пробовать что-то новое, предложенное им, ошибаться и снова пробовать, не могла не подкупать. Он был страшно рад тому, что она нашла его и позвонила.

Ну, а то, что при нечаянном взгляде друг на друга у них обоих иногда невольно перехватывало дыхание, глаза начинали предательски блестеть, а сердца – биться в учащённом темпе, можно было назвать лёгким побочным эффектом от тесного сотрудничества. Только и всего...

Москва

Катрин с Валькой сняли комнату недалеко от станции метро «Кузьминки» у знакомой старушки. Вернее, как – «знакомой»... Кто-то из однокурсников подкинул адресок: дескать, отличный бюджетный вариант для бедных студенток, чтобы остановиться на пару-тройку суток. Как ни крути, а выходило дешевле, чем самая доступная столичная гостиница. Им – экономия, а старушке – ощутимая прибавка к пенсии.

Это была старая квартирка с допотопной, ещё советской, мебелью, коврами на стенах и пёстрыми половичками на полу, мраморными слониками на серванте и лосиными рогами в прихожей, на которые полагалось вешать головные уборы и дамские сумочки. Оказывается, покойный муж старушки увлекался охотой. Он умер пять лет назад, а детей – и, соответственно, внуков – у супружеской четы не было.

Виктория Кузьминична – так звали хозяйку квартиры – выделила девушкам комнатку с двумя железными кроватями, панцирная сетка которых провисала почти до пола, когда на них кто-нибудь садился. Это была хозяйская спальня, но во время визитов постояльцев старушка временно переселялась в гостиную и ночевала на узком, дряхлом и скрипучем диванчике.

В спальне на обеих кроватях высилась гора разновеликих подушек (мал мала меньше), затейливо задрапированных тюлевыми «накидушками». Хозяйка выдала девушкам пару комплектов старенького, но выстиранного и выглаженного постельного белья. В целом, несмотря на отсутствие роскоши, всё в этой квартире дышало теплом, покоем и чистотой, а из кухни соблазнительно пахло домашними пирогами. Особый уют жилищу придавал пушистый кот с янтарными глазами – Жорик, названный так в честь американского актёра Джорджа Клуни: хозяйка оказалась горячей поклонницей сериала «Скорая помощь» и восхищалась исполнителем роли Дага Росса.

– Такой мужчина, ну такой... – вздыхала Виктория Кузьминична, имея в виду Клуни, – настоящий! Красавец, и лицо такое умное, и во взгляде мудрая мысль читается... не то, что у современных сопляков – глаза как у рыб замороженных.

Хоть Вальке с Катрин и было немного обидно за современных парней, но тот факт, что старушке не чужды фанатские страсти и чувства, расположил их к хозяйке квартиры, словно она стала им ближе и понятнее. Да и вообще, Виктория Кузьминична была прелестна: с порога предложила постояльцам горячего чая со свежими пирогами. Разве можно было отказываться от такого роскошного приглашения?!

Впрочем, Катрин всё-таки сначала направилась в ванную, выпросив у хозяйки тазик для стирки. Первые дни месячных всегда проходили у неё болезненно. Хоть она и выпила но-шпу, всё равно её не окончательно отпустило. Выглядела она и в самом деле неважно: даже лицо её приобрело такой бледный оттенок, что походило уже скорее на зеленоватый.

Изначально в день приезда девушки собирались смотаться на разведку к гостинице, в которой жили любимые кавээнщики. Необходимо было встретиться с ребятами, чтобы те обеспечили подруг приглашениями на завтрашнюю генеральную репетицию игры. На самую одну-восьмую финала билеты ещё можно было как-то купить, а вот на официальный прогон накануне (без жюри и оценок, но с ведущим Александром Васильевичем Масляковым) простым смертным вход был заказан: кавээнщики приводили только своих. Этаким закрытым показ для избранных. Однако Катрин с Валькой хотели непременно побывать и на генералке тоже. Тем более, знакомые девочки в КВН-чате рассказывали, что не так уж это и нереально – главное, подружиться с любой из участвующих в сезоне команд.

Узнать, где остановились кавээнщики, не составляло особого труда – ещё в Самаре Валька с Катрин навели справки у тех же девочек из чата, которые не пропускали ни одной

игры Высшей лиги и были прекрасно осведомлены обо всех значных местах Москвы, в которых обычно ночевали, столовались или тусили команды. Вообще-то, обычно поклонницы неохотно делились друг с другом такой бесценной информацией, ревностно оберегая своих обожаемых кумиров от постороннего посягательства. Но, к счастью, в данной ситуации интересы самарских и московских фанаток не пересекались: столичные девочки болели не за «Краснодарских сусликов», а за их соперников из Астрахани, с которыми суслики должны были схлестнуться в одной-восьмой.

Однако из-за плохого самочувствия Катрин обеим подругам вскоре стало абсолютно ясно, что как минимум сегодня она из дома – ни ногой. Девушка была совершенно не в состоянии никуда ехать и смотрела на Вальку виноватыми глазами, понимая, что подвела её.

В конце концов, после колебаний и дискуссий с Катрин, Валька решила ехать в гостиницу одна, чтобы как минимум выяснить их завтрашние перспективы. Конечно, одной было страшновато, но... не упускать же такой шанс? Выловить кавээнщиков и договориться с ними прямо завтра будет куда более нереально – негоже во время генерального прогона отвлекать ребят и дёргать их по пустякам.

Вскоре подруга переделась и уехала. Катрин, всё ещё чувствующая неприятную тянущую боль в пояснице, решила прилечь и немного поспать до Валькиного возвращения. Однако Виктория Кузьминична, которой, по всей видимости, было скучно, легонько стукнула в дверь и, дождавшись приглашения, вошла в спальню, неся на руках вальяжно развалившегося балдеющего Жорика.

Катрин приподнялась на локте, но старушка милостиво махнула сухой ладошкой:

– Ты лежи, лежи, Катюша... Я вот тут присяду ненадолго, – и устроилась на кровати напротив.

Очевидно, в стоимость проживания входят обязательные задушевные беседы с хозяйкой, скривившись, подумала Катрин, но не нашла в себе сил и решимости сказать вслух, что не в настроении вести сейчас светские разговоры.

– А вы в Москву зачем приехали, девочки? Погулять на праздники? – имея в виду грядущее двадцать третье февраля, поинтересовалась старушка.

– Нет, – замотала головой Катрин, – мы на КВН. Послезавтра первая игра сезона в театре Российской армии.

– Ах, КВН, – поджала губы Виктория Кузьминична. – Раньше было действительно смешно, я помню. А теперь, сколько ни пыталась смотреть – ничего не понимаю. Шутки странные, слишком уж современные... Да и сами каввээнщики – какие-то кривляки. Скачут по сцене, что обезьяны...

– Ну, не все же такие! – оскорбилась Катрин за любимую команду. – Вот «Краснодарские суслики», к примеру – очень талантливые и перспективные ребята. Мы именно за них болеть приехали...

Слово за слово – и Катрин, незаметно для самой себя, выложила хозяйке всю историю знакомства со звёздами КВН от начала до конца, думая, что Виктория Кузьминична придёт в восторг и порадует за них. Девушка даже вытащила из сумочки несколько распечатанных фотографий, которые всюду таскала с собой – прощание на вокзале в Самаре, девчонки и суслики в обнимку. Хозяйка внимательно изучила снимки и, возвращая их Катрин, недоверчиво покачала головой:

– И вы из самой Самары явились в такую даль только ради этих двух самовлюблённых мальчишек?

– Они того стоят! – вскинулась Катрин, в запальчивости подскакивая на кровати. – И они не самовлюблённые... а очень добрые и хорошие.

Старушка тяжело вздохнула.

– Ох, куда же мы катимся, – пробормотала она себе под нос. – Раньше парни за девушками бежали, а теперь наоборот...

– Мы за ними не бегаем, – отрубил Катрин, глубоко уязвлённая этими обидными и несправедливыми (ведь несправедливыми же?!) словами. – У нас с ними отличные дружеские отношения... им сейчас просто очень нужна наша поддержка. Они так волнуются перед предстоящей игрой... и ждут нас, – немного приукрасив действительную картинку, Катрин невольно сама начала себе верить.

– Ну, дай-то бог, – не стала спорить покладистая старушка. Она, в общем-то, не была вредной сварливой каргой и вовсе не ставила себе задачу спустить с небес на землю замечтавшихся наивных провинциалочек. – Дай-то бог... – повторила она задумчиво.

– Ну вот представьте, – загорячилась Катрин, – приехал бы в Москву сам Джордж Клуни, и вам представилась бы возможность встретиться с ним лично... вы бы отказались?

– Ой, – хозяйка замахала руками и засмеялась, – да какое там – «встретиться»? Я по-английски и двух слов не свяжу, в школе немецкий учила. Только позориться...

На счастье, в этот момент зазвонил домашний телефон, и Виктория Кузьминична, мило извинившись перед девушкой и оставив её в покое, отправилась беседовать с одной из своих старинных приятельниц. Но Катрин всё равно чувствовала неприятный осадок после этого разговора. Хотя, возможно, сказывалось ещё и наложившееся на это плохое самочувствие.

Валька вернулась почти в полночь.

Все эти часы в отсутствие подруги Катрин провела в жутких переживаниях и тревоге. На звонки и эсэмэски Валька не отвечала – возможно, просто звук мобильного был отключён, но это ни капли не успокаивало всё больше и больше накручивающую себя Катрин. В конце концов, Валька впервые в Москве – совсем одна, время позднее... Метро в час ночи уже закрывается! Не случилось ли чего?

А ещё Катрин стыдилась признаться самой себе, что втайне заранее ревновала – а вдруг Вальке удалось встретиться с ребятами, и они сейчас где-нибудь весело проводят время вместе, пока она лежит тут и умирает от боли?..

В квартире стояла полная тишина, нарушаемая лишь тиканьем старых настенных часов с кукушкой да похрапыванием Виктории Кузьминичны из гостиной. Катрин не находила себе места – в спальне не было ни книг, ни телевизора, и она не ведала, чем бы себя занять и отвлечь.

Пришёл Жорик, но не дал себя ни погладить, ни приласкать – лениво вспрыгнул на кровать Катрин, свернулся там клубочком, укрыв лапой нос, и безмятежно заснул. То ли выразил тем самым свою снисходительную симпатию и доверие – не дрейфь, мол, я с тобой! – то ли просто привык спать на этом месте.

Девушка в ужасном волнении сновала взад и вперёд по маленькой спальне, стараясь не слишком шуметь. Наконец, когда нервы её были совсем на пределе, она услышала неуверенный скрежет поворачивающегося в замке ключа. Хорошо, что Валька взяла запасную связку, выданную Викторией Кузьминичной, подумала Катрин, и вздох облегчения вырвался из её груди. Через пару минут в комнату вошла Валька. От неё пахло алкоголем – ненавязчиво, но очевидно.

– Ты где была? – шёпотом возмутилась Катрин. – Я тут чуть с ума не сошла, не знала, что и думать... С тобой всё хорошо? Ничего не случилось? Трубку почему не брала?!

– Звук был выключен, – подтвердила Валька её предположение. – Блин, я так устала... – выдохнула она и с размаху опустилась на свою кровать, отчего сетка провисла практически до пола.

– А главное-то скажи! – возмутилась Катрин. – Чего тянешь? Виделась с ребятами?

– Нет, – после секундной заминки отозвалась Катрин, откидывая со лба непослушную тёмную чёлку. – Но зато я познакомилась с директором команды. Он пообещал провести нас с тобой завтра на репетицию.

– С директором? – Катрин торопливо воскресила в памяти образ лысеющего пузана, который – единственный из всех сусликов – давным-давно уже закончил университет и сейчас заведовал финансами и бюджетом команды. Несмотря на то, что на гастроли директор ездил вместе с сусликами, поклонницы не жаловали его своим вниманием: и немолод, и далеко не красив, да и на сцене не появляется, оставаясь за кадром, короче – ничего интересного, тёмная лошадка. Катрин даже не помнила толком, как его зовут. То ли Владимир, то ли Михаил, то ли вообще Анатолий.

– Как тебе это удалось? – спросила Катрин с любопытством. Подруга усмехнулась, но как-то невесело.

– Ты же меня знаешь, я способна уболтать кого угодно. Так что завтра ты должна быть, как огурец! Мы увидим генеральную репетицию наших любимых...

Воодушевление, охватившее Катрин, было настолько сильным, что она не стала грузиться по поводу странноватого выражения Валькиного лица и задумываться, что не так с её настроением. Возможно, и в самом деле просто устала. Зато завтра... завтра...

Завтра их ждёт счастье. Она была в этом абсолютно уверена.

Москва

Жека долго лежала в пенной ванне, отогреваясь и чувствуя, как блаженная усталость и нега овладевают каждой клеточкой её тела. «Я в Москве! – гулко отдавалось в висках с каждым ударом сердца. – Свершилось! Я – в том же самом городе, где живёт он... Белецкий!»

Сейчас она уже и сама плохо помнила, в какой конкретно момент началось её увлечение актёром. Несколько лет назад Жека смотрела какой-то российский костюмный сериал и обратила внимание на одного из героев – молодого синеглазого красавца с тонким аристократическим лицом. Она запомнила имя артиста: Александр Белецкий. Потом наткнулась на другой фильм с его участием... Затем на третий... И сама не заметила, когда начала целенаправленно отслеживать его творческую биографию и бегать в кино на все премьеры.

Вскоре интерес к творчеству логично трансформировался в личный интерес. Жеке уже мало было знать, в каких фильмах снимается Белецкий – ей хотелось быть в курсе и остальных событий, которые происходят в его жизни. Так она попала на сайт, посвящённый артисту. Зарегистрировавшись на тамошнем форуме, первым же делом она залезла в тему «Наши личные встречи с Александром», пролистала галерею фотографий актёра со счастливыми поклонницами, которые висли на нём гроздьями, и написала своё первое сообщение:

«Всем привет! Глазам своим не верю, когда вижу все эти фотки. Девочки, вы счастливицы! Скажите, так значит, это правда? Александр Белецкий действительно существует, и он так же красив, как и на экране? :) А у него и в жизни такие же нереально синие глаза?»

Постоянные участницы поприветствовали её и принялись наперебой делиться своими персональными впечатлениями от встреч с артистом. Больше всего, конечно, повезло жительницам Москвы – они имели возможность ходить на все спектакли Александра и посещать телевизионные шоу с его участием. Но были и такие, кто регулярно приезжал в столицу издалека. А некоторые вообще мотались вслед за любимым артистом во время его гастролей по городам и весям. Кому-то даже удавалось поприсутствовать на съёмках фильмов с его участием...

Читая адресованные ей ответы, Жека и завидовала, и радовалась: так значит, Белецкий никакой не небожитель, он вполне доступен для общения! Она почему-то верила, что обязательно тоже увидится с ним вживую.

А затем ей в личку пришло сообщение от Лёли.

«В жизни он ещё красивее. Поверьте, я сама всякий раз цепенею – при каждой новой встрече».

Жеке стало интересно: ясно было, что пишет девушка, которая видела Белецкого неоднократно, хоть и не кичится этим открыто на форуме. Она ответила, поинтересовавшись подробностями, и Лёля прислала ей огромное письмо с историей своей любви... В общем, общение с другими пользователями форума постепенно сошло у Жеки на нет, хотя она периодически заглядывала туда в поисках новостей – а вот переписка с Лёлей, наоборот, продолжилась и окрепла. Жеку тронула откровенность и искренность новой знакомой, которая честно рассказала о своей болезни, а также о чувствах к Белецкому:

«У меня был парень Вадим... В целом неплохой и добрый человек, и ко мне хорошо относился, кроме одной мелочи: ужасно стеснялся появляться со мной на людях. Когда мы оставались вдвоём – Вадим был просто замечательным, нежным, заботливым... а когда оказывались на улице, он явно страдал, видя, как на меня все смотрят. Я и в самом деле довольно коряво двигаюсь, привлекаю тем самым к себе ненужное внимание... Вадиму было неловко ходить со мной рядом, поэтому он избегал слишком уж демонстрировать окружающим нашу связь. В конце концов, мне надоело, и я дала ему понять, что не в восторге от этого лицемерия: если уж любишь – то люби не только за закрытыми дверями, имей смелость признать это вслух. Но, видимо, смелости ему как раз и не хватало. В конце концов, он просто меня бросил».

Несмотря на то, что сама Лёля оправдывала Вадима, говоря, что его в целом можно понять, Жека всё равно считала его классическим мудаком с двойными стандартами. Хорошо, что подруга не держала зла на бывшего парня... хотя расставание с ним далось ей нелегко.

«Это был очень сложный период, – писала Лёля. – Я тогда постоянно плакала, совсем перестала есть и интересоваться чем-либо, замкнувшись на своём горе. И тут вдруг – Александр Белецкий... Он просто вытащил меня из этой чёрной депрессии. Я ожила в тот самый момент, когда впервые его увидела. Билет на спектакль был подарком мамы ко дню рождения. Она и не подозревала тогда, что вместе с Александром подарила мне новую жизнь...»

А затем Белецкий прилетел в Уфу на гастроли – со спектаклем «Евгений Онегин». Жека чуть с ума не сошла, узнав эту новость. Она как раз ехала в автобусе, когда зацепила взглядом театральную тумбу с афишей, и поначалу не поверила своим глазам. Девушка и сама не поняла, как выскочила на ближайшей остановке и помчалась к кассе, что говорила, как отсчитывала деньги трясущимися руками... Опомнилась только тогда, когда увидела в своей увлажнившейся от волнения ладошке заветный билет в третий ряд партера (она, несомненно, купила бы себе билет и в первый ряд, но они были давно расхвачаны).

Жека поделилась счастьем с Лёлей, и та от души порадовалась за свою виртуальную подругу, пожелав ей отлично сходить на спектакль, а также дав несколько бескорыстных ценных советов по поводу того, какие цветы любит Александр и о чём с ним можно поговорить, чтобы он заинтересовался, если вдруг представится возможность пообщаться.

Труппа выступала в здании Русского Драмтеатра. Жека сидела в своём третьем ряду и с замиранием сердца наблюдала за артистом. Она плохо понимала, что происходит на сцене, хотя сюжет «Онегина» худо-бедно был ей знаком ещё из школьной программы. Жека вообще практически не замечала других действующих лиц. Точнее сказать, она не обращала на них внимания. Главное – на сцене, в каких-то паре метров от неё, был ОН. Его мимика... пластика... голос... Девушку словно околдовали – она не могла сдвинуться с места все три часа, что шёл спектакль. Она даже во время антракта никуда не уходила из зала – так и сидела, вцепившись в подлокотники своего кресла.

На финальном поклоне Жека постеснялась подходить к сцене с букетом – ей было неловко перед остальными артистами, что она подарит цветы одному лишь Александру. К тому же, уфимцы и так завалили его цветами – большая часть зрителей пришла в театр конкретно «на Белецкого».

Жека решила подстеречь актёра у служебного входа. Она знала, что он непременно скоро выйдет – неподалёку стоял в ожидании микроавтобус, который должен был доставить московских артистов в гостиницу.

Белецкий и впрямь появился довольно быстро, но вспыхнувшая было в Жекиной груди радостная надежда тут же погасла, когда она увидела, что на руке Белецкого, цепко ухватившись за его локоть, повисла ведущая актриса Русского Драматического – местная звезда Александрина Галанина. Отчего-то перед Белецким Жека заробела меньше, чем перед своей именитой землячкой. Будь он один – она подошла бы к нему со своим букетом, не раздумывая. Но при виде Александрины ей стало неловко, почти стыдно.

Галанина, запрокидывая назад голову, отчего красиво колыхалась огненная грива её волос, громко и хрипло хохотала над какой-то репликой Белецкого – чуточку переигрывая, как показалось Жеке. Словно слишком уж хотела понравиться, казаться своей, лёгкой на подъём, весёлой, жизнерадостной и понимающей. Александр и Александрина... Тьфу ты. Как в какой-то дешёвой мелодраме.

Парочка прошла мимо Жеки, не обращая на неё внимания, и двинулась к микроавтобусу. Девушка поняла, что дальше тянуть было некуда.

– Подождите! – растерянно и жалобно пискнула она им вслед. – Александр!..

Белецкий обернулся. Он обернулся, боже мой!!! И уставился на Жеку внимательным взглядом. Чувствуя, как немеет язык, пересыхает горло и подкашиваются колени, Жека бес толково вытянула вперёд руку с букетом, но не смогла больше выдать ни звука.

– Девушка, – наставительным тоном произнесла Александрина, – артист устал после спектакля. Не надо его беспокоить, рабочий день окончен, человеку нужен отдых. Вы должны и сами понимать, не маленькая... Ох уж эта провинциальная бесцеремонность, – негромко добавила она, потянувшись к уху Белецкого, словно извиняясь перед ним за отсутствие должных манер у уфимцев. Но Жека, конечно же, тоже услышала эту фразу, которая была словно ушат холодной воды, вылитый за шиворот.

– Вы что-то хотели? – не обращая внимания на слова актрисы, доброжелательно поинтересовался Белецкий у Жеки. Та шумно вздохнула и, чувствуя, как краска унижения заликает лицо, зажмурилась от стыда и отчаянно помотала головой.

– Вы уверены? – уточнил он. Почему-то по голосу казалось, что он улыбается (ну как же! смеётся над ней, идиоткой, «бесцеремонной провинциалкой», и над её глупой растерянностью!), но Жека так и не решилась открыть глаза и снова взглянуть в его лицо. Господи, поскорее бы они уже ушли, что ли...

Они и ушли. Александрина ещё что-то сказала ему вполголоса, хихикая – Жека не слышала, а затем их шаги и голоса стихли.

Девушка продолжала стоять, крепко зажмурившись, до тех пор, пока мимо неё гуськом не прошествовала вся московская труппа. Только услышав шум отъезжающего микроавтобуса, Жека решилась, наконец, открыть глаза. Она стояла в полном одиночестве у служебного входа, окутанная тёплыми июньскими сумерками, чуть подсвеченными желтоватым светом единственного фонаря, и держала на весу злополучный букет. Букет, который так и не решилась отдать, и который сейчас словно жёг кожу ладоней...

Интересно, подумалось ей некстати, Галанина отправится к Белецкому в гостиничный номер или привезёт его на ночь к себе, в свою уфимскую квартиру?..

Эта мысль отрезвила и разозлила Жеку. Она в бешенстве огляделась по сторонам и, завидев неподалёку урну для мусора, в два прыжка подлетела к ней и с ожесточением затолкала цветы внутрь.

Лёле в своём позоре она так и не призналась. Наврала, что вручила букет артисту, и тот принял его с улыбкой и благодарностью.

Нельзя сказать, что это происшествие надолго выбило Жеку из колеи. Да, в первый раз она потерпела неудачу, но... у неё обязательно появится шанс всё исправить. И пусть гора не идёт к Магомету – сам Магомет пойдёт к горе! Жеке поняла, что ей жизненно необходимо поехать в Москву, и уж там, в родном городе Белецкого, брать его тёпленьким.

Погружённая в горячую воду, на поверхности которой колыхались душистые пышные хлопья пены, Жека испытывала такой покой и умиротворение, что даже чуть не заснула. Хорошо, что вовремя спохватилась и вытащила пробку из слива, чтобы спустить воду. Лёля с мамой, наверное, её заждались...

К тому моменту, когда Жека появилась на кухне, где хозяйки ждали её за накрытым столом, она уже совсем успокоилась и смогла смотреть Лёле прямо в лицо. Хоть ей не приходилось до этого близко общаться с людьми, имеющими ограниченные возможности, она догадывалась, что меньше всего на свете Лёля нуждается в её жалости или сочувствии. Поэтому Жека избрала тактику «на равных». Не избегать Лёлиных взглядов. При разговоре обращаться именно к ней, а не призывать маму в посредники или сурдопереводчики. Даже если что-то из сказанного Лёлей казалось неразборчивым – Жека спокойно переспрашивала её, не делая напрасно вид, что всё поняла. Судя по тому, как благодарно засияли глаза подруги, это была идеальная модель поведения со стороны Жеки.

Завтрак был простой, но сытный – яичница с ветчиной, бутерброды с сыром, чай с домашним вареньем. Видно было, что мать с дочерью не жируют, но при этом далеко не бедствуют. Жека напрягла память и вспомнила, что Лёля пару раз упоминала в письмах своего отца: состоятельный бизнесмен, который ушёл из семьи лет десять назад к молоденькой любовнице, а от жены с больной дочерью «откупился» двухкомнатной квартирой в новостройке и ежемесячными переводами немаленькой суммы для Лёли. Видеться с дочкой он больше не изъявлял желания, как отрезало, считая, вероятно, что деньги с лихвой компенсируют ей нехватку родительского внимания. Но Лёлина мама, Ангелина Эдуардовна, всё же работала из дома, делая переводы с английского и французского языков, а Лёля занималась дизайном сайтов и фотешопом. Две сильные и независимые женщины.. одинокие независимые женщины.

Жека предложила отдать им деньги за продукты. Разумеется, она была уверена в том, что они откажутся, но не поиграть в благородство не могла – и затем сполна насладились зрелищем возмущённых подобным предложением хозяек.

– Женечка! Как можно! Вы же наша гостья! Лёлина подруга! – сделав страшные глаза и протестующе отмахиваясь руками, вскричала Ангелина Эдуардовна. Лёля же произнесла что-то вроде:

– Йааа абыыбух, – и Жека с первого же раза отчётливо поняла, что подруга сказала: «Я обижусь!» – очевидно, делая предостережение на случай, если разговор снова зайдёт о деньгах. Оказывается, воспринимать на слух речь Лёли было не так уж и сложно. Главное – привыкнуть...

Лёлина мама поинтересовалась Жекиными планами на день. Да, суровая февральская погода не располагала к продолжительным прогулкам, но всё-таки девушка впервые приехала в Москву, да ещё и ненадолго – обидно было терять драгоценное время...

– Может быть, выберемся все вместе погулять? – без особого энтузиазма предложила Ангелина Эдуардовна, невольно зябко поёжившись, когда взгляд её упал на тусклое сероватое небо за окном.

Жека великодушно отказалась. Ну, нет уж! Таскаться по холоду в модных сапожках на шпильке и короткой шубе – только зря морозить ляжки и задницу.

– Пожалуй, на прогулку и обзорную экскурсию я отправлюсь завтра, – мило улыбнулась Жека. – Сегодня же нам всем нужно отдохнуть перед спектаклем, чтобы хорошо выглядеть.

– Да вы и так красавица! – искренне сказала Ангелина Эдуардовна, и довольная Лёля согласно закивала. Однако обе были явно рады, что им не придётся высовывать носы на мороз до самого вечера.

Окончание трапезы прошло в мире и согласии. Мать с дочерью расспрашивали Жеку о её жизни в Уфе и интересовались, как она доехала. Жека наврала им, что прибыла в Москву в СВ-вагоне – почему-то стыдно было признаваться про свой плацкарт. Впрочем, враньё было Жекиным естественным состоянием. Она жила ложью, дышала ею, чувствуя себя как рыба в воде. Так, ещё в поезде, разговорившись с попутчиками, она тоже наплела им с три короба: заявила, что едет на премьеру спектакля Александра Белецкого по его личному приглашению – они, дескать, давно знакомы. Попутчики верили, восхищались и громко завидовали. Приврать Жека любила всегда, сколько себя помнила – всё по той же простой причине, что ей хотелось *казаться*, а не быть.

Вот и сейчас, сидя в уютной тёплой кухоньке с милыми гостеприимными хозяйшками, Жека рассказывала о себе: отец у неё депутат, а мама – хореограф, сама Жека работает стилистом-визажистом в лучшем салоне красоты Уфы, а ещё у неё есть парень, модный фотограф, с которым у неё всё серьёзно – планируют вскоре пожениться.

Разумеется, в этих словах не было ни грамма правды.

Вечером им предстояло грандиозное событие – поход на премьеру спектакля «Король Лир», где Белецкий исполнял роль Шута. О новом спектакле гудела вся театральная Москва: накануне состоялся закрытый предпремьерный показ для СМИ, и судя по первым откликам и фотографиям, уже оперативно просочившимся в прессу, это было нечто совершенно потрясающее, равно как и скандальное. Помимо, собственно, Белецкого, в спектакле была занята целая плеяда талантливых и известных артистов, поэтому билеты на первые премьерные дни расхватывали за месяц вперёд.

Жеке билет достался бесплатно – благодаря Белецкому. Точнее, благодаря Лёле. Актёр с большим теплом и искренней симпатией относился к своей поклоннице, поэтому время от времени обеспечивал Лёлю с матерью пригласительными на свои спектакли. В этот раз он тоже оставил для них две контрамарки – или «проходки», как называли их современные театралы. Жека поначалу хотела отказаться: ей было страшно неловко, что из-за неё на премьеру не сможет попасть Лёлина мать. Однако Лёля заверила её, что всё в порядке: мама и так ходит с ней на каждый спектакль, так что ей абсолютно не принципиально увидеть «Короля Лира» в первый же день – она всё равно непременно посмотрит его, просто чуть позже.

– Не вздумайте стесняться, Женечка, – развеяла её опасения Ангелина Эдуардовна. – Я как-нибудь переживу. Пока вы с Лёлей будете в театре, я с удовольствием посижу где-нибудь в кафе, выпью кофе, почитаю интересную книжку... А потом встречу вас у служебного входа и тоже поздравлю Сашу с премьерой.

Служебный вход... Это, собственно, и было главной целью Жекиной поездки в Москву. Несомненно, она хотела увидеть «Короля Лира», но увидеть самого Белецкого ей хотелось не в пример больше. Лёля недвусмысленно дала понять, что артист обязательно пообщается с ними после спектакля – он всегда так делает.

– Но там же, наверное, и без нас будет толпа? – неуверенно предположила Жека. – Куча поклонников и поклонниц...

Но Лёля только улыбнулась, как бы призывая её успокоиться и заверяя, что с ними-то она точно пообщается, она гарантирует.

Сам спектакль Жека почти не запомнила. Не поняла. Да и не было особого желания вдумываться-вслушиваться... Она никогда не была поклонницей Шекспира, из всех его произведений более-менее представляя лишь сюжеты «Ромео и Джульетты» да «Отелло». Все остальные шекспировские трагедии и их герои – Макбет, Лир, Гамлет и так далее – смешались в её сознании в одну невнятную бесформенную массу.

Она видела, что артисты играют превосходно. На разрыв. Но не отдавала себе отчёта в том, что именно происходит на сцене. Глаза её были прикованы к одному лишь Белецкому. Несмотря на то, что роль Шута была отнюдь не главной, благодаря своей сшибающей наповал харизме и артистическому обаянию Белецкий безраздельно владел зрительным залом. Во время его ироничных и саркастических монологов публика забывала дышать, боясь упустить хоть словечко. Каждую особенно удачную реплику зал встречал аплодисментами. И Белецкий... он не был Белецким! На сцене находился Шут, персонаж куда более глубокий и сложный, нежели чем просто беззаботный придворный клоун. Это был мудрый и тонкий философ, чьи шутки постепенно делались всё более горькими.

– Для дураков – печальный день:

Все умники страны

Мозги надели набекрень

И стали им равны!

Преданный своему господину до конца, Шут остался с Королём даже после того, как тот лишился всего, что имел, и сделался нищим изгнанником.

– Мы станем с ним рука к руке —

Два круглых дурака:

Один в дурацком колпаке,

Другой – без колпака!

На финальном поклоне Лёля пихнула Жеку в бок, напоминая, что нужно подарить Белецкому цветы. Жека опомнилась, подхватила подругу под локоть, и они обе стали пробираться к сцене. Жека очень нервничала, что им не удастся протиснуться сквозь кордон восторженно-благодарных зрителей с букетами, но, к счастью, публика была воспитанная и соблюдала очерёдность: вручив свои цветы, люди послушно уступали место следующим поклонникам.

Белецкий заметил Лёлю издали, и лицо его осветилось приветливой улыбкой. Жека даже приревновала: она бы много отдала за то, чтобы получить от него такой же радостный и добрый, *узнавающий*, взгляд...

А дальше Белецкий сделал то, что и вовсе покорило её сердце – принимая букет от Лёли, он легко перехватил её руку и галантно приложился к ладони девушки губами. Лёля была единственной из зрительниц, кому он поцеловал руку! Жека готова была в этом поклясться!

– Не надо меня сегодня ждать! – вполголоса сказал Белецкий, наклонившись к Лёле со сцены и глядя на неё извиняющимися глазами. – У нас сейчас разбор полётов будет, могу сильно задержаться...

Но Лёля только протестующе замотала головой, давая понять, что всё равно дождётся – очевидно, это уже была их сложившаяся маленькая традиция.

Всё это время Жека стояла не шелохнувшись и, продолжая поддерживать Лёлю под локоток, тупо пялилась на артиста. Боже, как же он был прекрасен... Наконец, заметив этот восторженный взгляд, Белецкий скользнул вопросительным взором по её букету и лукаво улыбнулся. Опомнившись, Жека сообразила, что так и не вручила ему цветы от себя лично, и тут же неловко ткнула их в сторону сцены. От смущения она не видела его лица в тот момент, только почувствовала, что он взял букет, а затем услышала негромкое «спасибо».

Всё это заняло не более тридцати секунд. А затем, ещё раз одарив Лёлю (и Жеку с ней за компанию) благодарной улыбкой, Белецкий двинулся к дальнему краю сцены, где томились в ожидании другие зрители со своими букетами.

На Жеку напал какой-то ступор. Пока они с Лёлей шли к гардеробу, получали верхнюю одежду, выходили на улицу через главный вход и, обойдя театр слева, ныряли под арку – к служебному, она не проронила ни слова.

Возле служебки их уже поджидала Лёлина мама.

– Ну, как всё прошло? – кинулась она к девушкам. – Как вам спектакль?

Но даже Лёля с её не совсем внятной речью сейчас была куда более многословным и интересным собеседником, чем Жека – та же просто молчала, продолжая глупо улыбаться.

Затем они ждали Белецкого. Ждали долго, около часа, стараясь не обращать внимания на мороз. То, что артист задерживался, было им даже на руку – толпа поклонниц возле служебки сначала заметно поредела, а потом и вовсе рассеялась. Очевидно, девушки решили, что Белецкий вместе с другими артистами уже давным-давно под шумок покинул театр и уехал домой...

Жека готова была ждать хоть до самого утра. Ей было совершенно плевать на то, что ноги, щёки и уши у неё натурально заледенели. Она намерена была дождаться, чего бы ей это ни

стоило. Впрочем, и сама Лёля, и её понимающая союзница-мама тоже не собирались уходить. Видимо, терпеливое ожидание артиста после спектакля было их привычной практикой...

– Ох, – наконец, разглядев за застеклённой дверью знакомую высокую фигуру, радостно воскликнула Ангелина Эдуардовна, – а вон и Саша идёт!

В то же мгновение дверь служебки распахнулась, и оттуда вышел Александр Белецкий собственной персоной.

Чувствуя, как враз затряслись все её поджилки, Жека, тем не менее, сделала шаг навстречу артисту и решительно вскинула голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Их взгляды схлестнулись – её светло-голубые глаза и его синие, и она невольно зажмурилась, точно обожглась.

Теперь она знала, что это не сказки – можно действительно обжечься о чужой взгляд и сойти с ума.

В один момент.

Нью-Дели

Немного успокоившись и прекратив реветь, Анята приподнялась на огромной кровати, походившей на ложе какого-нибудь знатного махараджи, и, наконец-то, впервые внимательно огляделась по сторонам.

Да... королевские покои, иначе и не скажешь, подумала она, определённо шокированная роскошью убранства. Один её номер выглядел, как целый индийский дворец. Впрочем, чего удивляться? Отель, в который привёз её пройдоха-таксист, стоил раз в двадцать дороже того, что она забронировала изначально... Нет, ну как же ловко и легко её развели! Анята с досадой поцокала языком, вспоминая все подробности своего позора.

Начитавшись туристических форумов и сайтов об Индии, она чувствовала себя вполне подкованной, полагая, что переход от теории к практике дастся ей без особого труда. «Ага, щаз!» – как говорила её десятилетняя дочь Юлька.

А ведь начиналось всё так хорошо, так радужно... Вернее – стоп. Началось всё с грандиозной Анятиной истерики, не на шутку напугавшей её мужа Сергея.

Примерно за месяц до поездки в Индию (о которой Анята тогда даже не задумывалась) стало ясно, что дальше так продолжаться не может. Наступило полное эмоциональное и физическое выгорание. Ничего больше не радовало и не доставляло удовольствия Аняте. Даже общение на форуме с поклонницами Шакира и просмотр его фильмов не могли надолго вытянуть её из пучины глубокой депрессии. Она машинально выполняла все свои домашние, материнские и супружеские обязанности, но больше не проявляла в этом ни капли заинтересованности. К чему ежедневно до блеска драить квартиру, если к вечеру повсюду будет неизменный адский срач, устроенный детьми?.. К чему наряжаться дома, если через пару часов весь наряд будет заляпан пятнами от молока, шоколада, каши, детских слюней или чего-нибудь похуже?.. К чему стараться готовить что-нибудь вкусненькое и оригинальное, если неспешно поесть – с чувством, с толком, с расстановкой – всё равно не удастся?.. Только устроишься с тарелкой, как тут же начинается: мама то, мама сё, мама дай откусить, мама и мне тоже дай попробовать... Даже кофе нельзя выпить спокойно, не прерываясь на то, чтобы ответить на сотню детских вопросов. Да что там кофе – в туалете посидеть невозможно, в этой «комнате для медитаций», ведь кто-нибудь из детей обязательно начнёт ломиться в дверь и допрашивать с пристрастием: «Мама, ты тут? А что ты там делаешь? Писаешь или какаешь?»

В конце концов, забеспокоился даже муж, который прежде считал все её «заскоки» банальной блажью засидевшейся дома и заскучавшей женщины, полагая, что Анята просто с жиру бесится. Кстати, её увлечение индийским кинематографом он тоже относил к блажи, к бабской придури, думая, что коль скоро у супруги есть время смотреть эти тупые фильмы с песнями-плясками, а затем читать обсуждение этих же тупых фильмов в интернете – не так уж она и загружена.

– Ну, хочешь... – неуверенно сказал он однажды за ужином, наблюдая, с каким безразличным лицом жена подаёт ему тарелки, приборы и хлеб, – наймём тебе помощницу по хозяйству? Пусть приходит два-три раза в неделю. Прибраться, там, или еду приготовить...

– Нет, – отказалась Анята тусклым голосом, – мне не нужна помощница по хозяйству. Вот от няни бы я не отказалась... Такой няни, которая могла бы хоть на пару-тройку часов в день полностью изолировать детей от меня. Пусть ходит с ними гулять, что ли...

Сергей отложил вилку и укоризненно взглянул на супругу.

– Анятик. Мне крайне неприятно это слышать. Такое ощущение, что ты ненавидишь собственных детей... Так же нельзя!

Она подняла на него глаза, но сил не было даже на то, чтобы отстаивать свою точку зрения, доказывать и спорить. Ею овладели усталость и полное равнодушие ко всему происходящему.

– Мама! – донёлся тем временем из комнаты пронзительный Юлькин крик. – Костя порвал мою тетрадку по математике! – и, после небольшой паузы:

– Мама!!! Алиса рисует моими фломастерами на стене!

Через пару мгновений в кухню притопала возмущённая Алиса и тут же наябедничала:

– Мама! Люля миня пабия! Па зёпе! – а раздавшийся в ту же минуту из комнаты громкий рёв братишки как бы служил доказательством тому, что «па зёпе» получил ещё и Костик. Ну, вот и разобрались, пожав плечами, подумала Аня. Юлька сама решила конфликтную ситуацию. Вмешиваться в детские ссоры не было ни малейшего желания. Однако муж, к сожалению, решил прочитать ей небольшую мораль на тему правильного воспитания.

– Анютик, – он снова отложил прибор и уставился на жену с благочестивым осуждением. – Ну ты же понимаешь, что позволять старшей дочери бить младших детей – это непедagogично. Надо советовать Юле решать эти вопросы... более дипломатично.

– Вот ты и советуй, – огрызнулась Аня, даже не обернувшись к мужу от мойки, где она яростно скоблила пригоревшее дно кастрюли под струёй воды. – Доешь свой ужин – и вперёд, иди общайся с отпрысками, учи их уму-разуму. А мне, спасибо, к вечеру уже ничего не хочется. Мне ещё уроки у Юльки проверять, как посуду домою, а потом купать двойняшек и всех спать укладывать...

– Я вижу, ты и правда устала, – мягко сказал Сергей, чувствуя себя сейчас не капитаном очевидность, а добрым волшебником, который прилетел в голубом вертолёте и собирается осчастливить замудоканную мамашку. – У меня появилась грандиозная идея. Давай-ка я возьму на работе отпуск, и мы всей семьёй полетим куда-нибудь... ну, хотя бы в Таиланд! Море, солнце, фрукты... И сами отдохнём, и детям радость.

– Всей семьёй, – внятно повторила Аня.

– Ну да, – радостно подтвердил он. – А как же иначе? Юльку отпросим из школы на недельку, ничего страшного.

– Детям радость, – словно всё ещё осмысливая и обдумывая его предложение, снова повторила слова мужа Аня. Что-то в её голосе заставило Сергея напрячься.

– Что-то не так, милая?

И тут Аня захохотала. Она смеялась взхлёб, истерично, отшвырнув недомытую кастрюлю и хлопая себя по бокам, запрокидывала голову и чуть ли не визжала от смеха.

– Отдохнём! – повторяла она, снова и снова заливаясь хохотом. – От... до... хнём!.. С тремя детьми! О да, классная идея!!! Мне после такого отдыха ещё дополнительно отдохнуть придётся!..

Если бы она только могла выразить всё, что думала! Если бы могла объяснить ему, как непросто организовать и осуществить подобное путешествие...

Одно только такси до аэропорта Толмачёво на всё их семейство вместе с чемоданами – это целый квест. Нужна большая машина и детские автокресла, а в Новосибирске с этим было очень и очень плохо. Такси с одним креслом ещё могли худо-бедно предоставить, а вот чтобы больше...

Далее: чем занять детей в самолёте во время длительного перелёта? О, Аня прекрасно представляла себе всю эту феерию: Алиса хочет кушать, Юльку тошнит, а Костю уже стошнило; Алиса орёт, а Костя поёт; у Юльки заложило уши; двойняшки пинают спинку переднего кресла и мешают пассажирам спать своим непрерывным нытьём и воем; Аня всеми силами сглаживает конфликтные ситуации и буквально физически ощущает разлитую в воздухе ненависть остальных пассажиров и стюардесс. Вот ещё непосильная задача: как накормить в самолёте детей и хоть чуть-чуть умудриться перекусить самой, не угваздавшись при этом, как сви-

нья, благодаря опрокинутым на неё соусам, сокам, подливкам и хлебным крошкам... Чёрт, да она даже не сможет выпить чай или кофе во время полёта! Никаких горячих напитков в такой тесноте – дети могут толкнуть её и обжечь, либо обожгутся сами...

А в отеле? Кто-то хочет спать, а кто-то – на море, кто-то хочет есть, а у кого-то расстройство желудка от новой непривычной пищи, дай бог, если не ротавирус... В ресторане следить за тем, чтобы младшие дети ничего не сломали и не разбили, параллельно пытаюсь впихнуть в них еду. На пляже бдить, чтобы не наелись песка, не обгорели и не утонули... Кто придумал, что это будет для неё отдыхом?.. Да это же самая настоящая каторга!

Представив себе всё это в красках, Аня продолжала трястись от смеха, не в состоянии произнести ни слова. Сергей глядел на неё со страхом, не зная, как успокоить. Он впервые видел жену такой.

Наконец, собравшись с духом, он притянул её к себе и хорошенько встряхнул за плечи. Аня громко икнула, приходя в себя.

– Чего ты добиваешься? – спросил он серьёзно. – Скажи прямо. Всё-таки, тебе нужна няня? Или, может, ты хочешь отдохнуть совсем одна? – выговорил Сергей и сам испугался своего предложения, но отступить было поздно, да и не по-мужски как-то...

– Хочу. Хочу отдохнуть совсем одна, – моментально уцепилась за эту идею Аня, и глаза её лихорадочно вспыхнули. – Я буквально мечтаю об этом!

– И ты так легко сможешь оставить детей?! – он попытался дать задний ход, давя на совесть и чувство долга, но жена не повелась на эту гнусную дешёвую провокацию.

– Да запросто! – произнесла Аня. – Двойняшки уже не малыши. Сиська им не требуется, на горшок они ходят, человеческую еду едят. Ты вполне справишься. Возьми отгулы на работе. В конце концов, пригласи свою маму пожить у нас. А я... я устрою себе отпуск и уеду. Хотя бы на несколько дней!

Что-то особенное звучало в её голосе – такое, что Сергей понял: не согласись он сию секунду на эту поездку, Аня просто уйдёт из дома и не вернётся. Сбежит, куда глаза глядят... Во всяком случае, вид у неё был именно такой.

– И... куда же ты хочешь поехать? – убито подытожил он, рассчитывая услышать стандартный ответ: «Турция» или «Египет», и мысленно приказывая себе не думать о тамошних альфонсах, практикующих любовные связи с доверчиво-доступными славянскими женщинами.

Ответ сорвался с её губ моментально.

– В Индию!

Это была поездка-мечта. Поездка-счастье. С того самого момента, когда Аня в блаженном гордом одиночестве села в заказанное такси до Толмачёво, она смаковала каждый миг своей свободой. Душа её была наполнена счастьем – Аня хотела одновременно петь, танцевать, смеяться и обнимать весь мир!

Летела она с пересадкой в Москве. До делийского рейса оставалось целых полдня, поэтому Аня, сбросив рюкзак в камере хранения, отправилась гулять по столице. Настроение её с каждой секундой всё улучшалось – радость так и распирала её изнутри, точно воздух в надутую до предела шарике. Она готова была расцеловать каждого прохожего, каждого пассажира в московской подземке... Правда, там же, в метро, Аня нечаянно задела сумкой колготки какой-то красивой девушки-блондинки и, конечно же, порвала их. Девушка в ответ на это одарила её таким убийственным взглядом, что Аня чуть не задымилась. Но, конечно же, подобные мелочи совершенно не способны были изменить Анин общий счастливый настрой.

В Шереметьево, стоя в очереди на регистрацию вместе с индийцами (настоящими, живыми индийцами!), Аня откровенно любовалась яркими тюрбанами на мужчинах, узор-

чатыми сари и цветастыми кофтами на женщинах. От них пахло специями и благовониями – незнакомо, загадочно и маняще, а звуки хинди, на котором они общались друг с другом, казались Анюте сладчайшей музыкой. Что за дивный, певучий, волшебный язык!..

В самолёте до Дели она тоже наслаждалась каждой секундой. Получала удовольствие от незамысловатой еды, от горячего кофе с молоком, от чтения глянцевого журнала... Ей всё ещё не верилось, что это не сон. Что она действительно летит сейчас в Индию, на встречу со своей мечтой...

А в Дели всё сразу же пошло не так.

Получив багаж в международном аэропорту имени Индиры Ганди, Анята, следуя интернет-инструкциям, направилась к стойке prepaid такси. Как уверяли абсолютно все форумы, это был единственный шанс не переплатить втридорога мошенникам, а нанять машину до места за адекватные деньги.

Расплатившись в PREPAID TAXI и получив квитанцию, Анята отправилась разыскивать своего водителя. И вот тут-то начались сюрпризы...

Ошалевшая от переизбытка новых впечатлений и эмоций, Анята потеряла бдительность и ослабила контроль. Не успела она опомниться, как таксист с воодушевлением наплёл (на дикой смеси ломаного английского и совершенно не знакомого ей хинди), что забронированный ею отель сгорел сегодня днём, поэтому он при всём желании не сможет её туда доставить. И вообще – в центр нынче проехать абсолютно невозможно, всё перекрыто в связи с каким-то важным индуистским праздником... «Но вы не огорчайтесь, мэм – я знаю хороший отель неподалёку, думаю, они не откажутся приютить вас на ночь!»

Разумеется, когда они подъехали к «хорошему отелю неподалёку», Анята уже сообразила, что это развод. Забронированная ею гостиница, конечно же, не сгорела – просто водитель получал свои комиссионные за приток новых клиентов, поэтому ему было выгоднее отвести Аняту в «свой» отель, а не в тот, который она выбирала сама.

Наверное, не будь Анята такой счастливой и воодушевлённой, она затеяла бы свару и в приказном порядке потребовала бы доставить её по изначальному адресу. Но... она наивно подумала, что ничего страшного не произошло. В конце-то концов, ей всего-то одну ночь перекаптоваться... а завтра у неё вылет в Мумбаи.

Однако радужное настроение как рукой сняло, когда она обнаружила, что в пункте обмена валют её нагло обсчитали, недодав две тысячи индийских рупий (поняла это она, к сожалению, слишком поздно). К тому же, наглый таксист выпросил у неё за проезд дополнительные несколько сотен рупий («на чай»). Когда же она поняла, что номер в том отеле, куда он её привёз, стоит около трёхсот долларов за сутки, мошенника и след простыл. Что ей было делать? Куда бежать среди ночи?!

Скрепя сердце и давя подступающие к горлу рыдания, Анята заплатила за ночь в этом дорогом отеле и поплелась в свой роскошный номер.

Телефон запищал, принимая входящую эсэмэску.

«Вся в порядке? – писал ей муж. – Ты уже в гостинице?»

Анята возблагодарила бога за то, что была в роуминге – не назвонишься. Если бы Сергей набрал номер с целью послушать голос жены, ей не удалось бы его обмануть. А в ответном сообщении можно наплесть что угодно. Ни за что на свете Анята не стала бы признаваться ему в том, что оказалась такой дурищей, расписываясь в собственном бессилии и давая ему право злорадно воскликнуть: «А я же говорил!..»

«Всё отлично, Серёжа, – набрала она ему в ответ, всхлипывая. – Я на месте. Жива и здорова, собираюсь спать. Завтра напишу. Спокойной ночи, целую!»

И только после того, как сообщение было отправлено, она сообразила, что даже не спросила, как там дети. Ну ладно, подумала Аня пристыженно, если бы что-то было не так – он непременно сам сказал бы. Значит, всё более-менее хорошо...

Все тревожения этого бесконечного дня вдруг отозвались резкой физической усталостью. Аня ощутила, как веки её налились свинцом, а голова сама собой принялась клониться на подушку. Ей даже лень было вставать и идти в ванную, чтобы умыться и переодеться с дороги. Как бы скомканно и глупо ни началось её грандиозное путешествие, а одного у Ани отнять было нельзя: она сейчас рухнет на своё королевское ложе и выспится – совершенно *одна*! И никто не поднимет её среди ночи, чтобы попросить водички или сказать «я писать хочу». Никто не залезет к ним с мужем постель, канюча, что у себя в кровати темно и страшно...

Она вырубилась в то же мгновение, когда закрыла глаза, и проспала без сновидений до самого утра. Восемь часов непрерывного, крепкого, глубочайшего сна в блаженном одиночестве!

Впервые за несколько лет.

Санкт-Петербург

Так и не выяснив, в каком номере остановился Тим, и не встретив его в гостиничных коридорах, Мила быстро заскучала и решила выйти прогуляться. Подловить Тима она всегда успеет – в конце концов, он проведёт в Питере целых три дня. И гораздо реальнее подстеречь его ближе к ночи, уже после концерта: он будет уставший и вряд ли поедет куда-нибудь тусоваться. Скорее всего, сразу же вернётся в отель...

Она быстренько созвонилась с девчонками из фан-клуба: несколько московских поклонниц тоже приехало на питерские концерты, и они с радостью приняли Милино предложение пересечься на Невском проспекте, чтобы пообедать вместе.

В отличие от Милы, девчонки сняли комнатку в каком-то дешёвом хостеле – с финансами дела у них обстояло похуже.

– Ну что, может, в «МакДональдс»? – предложили они при встрече, но Мила только презрительно сморщила нос: она не жаловала фастфуд.

– Лучше в нормальное кафе зайдём, – покачала головой она. Девчонки заметно скисли и зашушукались, очевидно, прикидывая, хватит ли у них денег на полноценный обед. Однако спорить с президентшей фан-клуба никто не решился, и они покорно двинулись за Милой.

На счастье, в том заведении, куда она их привела, можно было заказать пиццу, поэтому девчонки, скинувшись, воспрянули духом: если поделить траты на всех, выйдет не так уж и дорого, а пицца оказалась огромной и безумно вкусной.

– Ну что, какие вести с полей? – поинтересовалась Мила у девчонок, увлечённо пережёвывая свой кусок и шумно втягивая воздух, чтобы не обжечься. – Вижу ведь, вы мне что-то сказать хотите...

Девчонки переглянулись, а затем одна из них – полненькая Ира – выпалила, глядя Миле прямо в глаза:

– Знаешь, кто с нами в одном хостеле поселился? Ярославские девки!

– Да ты что? – Мила изменилась в лице.

Ярославский фан-клуб Тима был для них таким же негласным врагом и соперником, как питерский. Все клубы неофициально вели между собой холодную войну, всячески перетягивая одеяло на себя и оспаривая друг у друга право считаться «любимой женой господина». Доходило до смешного и даже нелепого, вплоть до того, что поклонницы из всех этих клубов подсчитывали, у кого из них больше совместных фотографий с любимым певцом. Был даже период, когда Тим, распахиваясь, и вовсе отказался фотографироваться с поклонницами – его тоже утомила эта сумасшедшая гонка за количеством отснятых кадров. И только после того, как девчонки немного умили свой пыл, он смилостивился и снова стал время от времени позировать для фото вместе со своими фанатками.

Мила считала, что московский клуб по умолчанию должен считаться главным по всей стране: во-первых, он самый многочисленный, во-вторых, с москвичками Тим встречается чаще всего, в-третьих, они оперативнее других регионов узнают о певце новую информацию и регулярнее присутствуют на съёмках телепередач или клипов.

Однако президентша питерского фан-клуба, Оксана, была категорически не согласна с такой расстановкой сил. Почему эти наглые зазнавшиеся москвички вообразили себя пупом земли? Чем они круче питерских девушек? С чего решили, что более дороги и важны Тиму? Мила терпеть не могла эту петербургскую выскочку, полагающую, что она жуть как оригинальна: выкрашенные в ярко-розовый цвет волосы и пирсинг во всех возможных и невозможных местах: в носу, губах, языке, бровях, ушах, пупке и бог знает, где ещё. И это чучело вообразило, что имеет право претендовать на сердце Тима? Мила только зло посмеивалась, рассматривая фотографии певца и питерской президентши – уж как она к нему прижимается

на каждом снимке, как обхватывает ручкой, как льнёт... смотреть противно! Нет, Тиму нравятся более утончённые особы, с классической девичьей красотой, а не нашпигованные металлом розоволосые обезьяны.

Ярославский фан-клуб также отказывался признавать навязываемую москвичами сверху иерархию. Тамошние девчонки считали, что они имеют куда больше прав на Тима, ведь, что ни говори, он является их земляком! Именно в Ярославле он родился и провёл большую часть своей жизни – целых восемнадцать лет. Многие поклонницы были знакомы с родителями Тима, с его бывшими одноклассниками и учителями, кто-то жил по соседству с его семьёй... словом, Тим Солнцев принадлежал им – и точка!

– Да уж, повезло вам, – фыркнула Мила сочувствующе, выслушав Иру. – Будто во всём Санкт-Петербурге не нашлось другого хостела... И как, сильно они вас достают?

– Да кстати, знаешь, не особо, – сама дивясь такому обстоятельству, пожалала крепенькими плечами Ира. Это была довольно грузная, тяжеловатая девочка, которая вела себя и одевалась как пацанка. Впрочем, с её-то внешностью и фигурой что ей ещё остаётся, нередко думала Мила. У Иры был крупный нос-картошка, маленькие невыразительные глазки и короткая стрижка – почти ёжик. Одежда вполне соответствовала внешности: мешковатые растянутые свитера и безразмерные широкие штаны, ни грамма косметики, словно Ира не только не пыталась хоть немного подчеркнуть свою природную женственность – а, напротив, всячески отвергала и опровергала её, демонстрируя всему миру, что ей плевать на свой внешний вид. Однако Мила прекрасно понимала, что это не столько вызов и жизненная позиция, сколько банальные комплексы: в моменты, когда невероятные голубые глаза Тима Солнцева останавливались на смущённом Ирином лице, девчонка заливалась краской и трепетала, как самая настоящая тургеневская барышня.

– В нашем хостеле кухня, она же столовая, общая для всех, – продолжала рассказывать Ира. – Мы сегодня вместе с ярославскими одновременно завтракали... Тесно, всё слышно... ну, и кое-что ооочень интересное подслушали из их болтовни.

– Ну? Не томи! – взмолилась Мила, и глаза её возбуждённо блеснули.

– Оказывается, Воронцова – не просто бэк-вокалистка Тима. Она его первая любовь! – торжествующе выпалила Ира, радуясь, что оказалась в курсе такой сенсации и теперь имеет возможность первой поделиться ею с президентшей.

Мила подавилась куском пиццы и закашлялась. Ира поспешно сунула ей стакан со своей колой.

– Как это? – прохрипела Мила, сделав жадный глоток и утирая выступившие слёзы.

– Вот так. Она тоже жила раньше в Ярославле, правда, недолго. У неё бабка до сих пор там. Лика училась вместе с Тимом в десятом классе. Вот тогда у них шуры-муры и закрутились...

– И что, всё серьёзно было?

– О, я так поняла, что ещё как! Ей местные девки даже за него расправу учинили, вроде волосы отрезали, чтоб не лезла к нему. И он там за неё кому-то морду набил, чуть на учёт в детскую комнату милиции не поставили... в общем, шекспировские страсти.

– А потом? – жадно спросила Мила.

– А потом – всё, – Ира пожалала плечами. – Она уехала, а он остался. И всё закончилось...

– Точно закончилось? – проверила Мила. Ира тяжело вздохнула.

– Кто ж их разберёт, на самом деле. Ну, она замужем, вообще-то... А для Тима это не пустой звук.

– Да, – подтвердила Мила, с облечением вздыхая. – Тим действительно не такой. Он порядочный. Он не станет вклиниваться в чужую семью и мутить с замужней женщиной!

– А если она разведётся? – уныло предположила другая девочка из их компании. Над столом воцарилась тишина. Все понимали, что если у Тима с Ликой всё настолько серьёзно,

что она может подать на развод... то ситуация становится куда более опасной, чем она казалась изначально.

Девчонки распрощались до вечернего концерта, и Мила с испорченным вконец настроением потопала к себе в отель, переваривая и пищу, и полученную информацию. Вот не зря эта Лика внушала ей смутную неприязнь, где-то на уровне подсознания. Как перекопилось сегодня её лицо, когда Мила спросила о личной жизни Тима! Ну ещё бы – чует кошка, чьё мясо съела...

Когда до отеля оставалось совсем чуть-чуть, Мила, рассеянно скользившая взглядом по сторонам, вдруг вздрогнула и остановилась, как вкопанная. Дверь одной из шаверменных в нескольких метрах от неё распахнулась, и оттуда, весело хохоча, вывалились... Тим и Лика.

Тим был в бандане и тёмных очках в качестве маскировки. Но Милу-то не проведёшь – она узнала бы его в любом обличье! К тому же, присутствие рядом Лики не оставляло никаких сомнений.

Парочка, держа в руках по аппетитной шаверме и о чём-то беззаботно болтая, двинулась прямо в сторону Милы. Девчонка прижалась спиной к стене, мечтая с ней слиться – в данный момент ей ужасно не хотелось, чтобы её обнаружили, она ещё не продумала тактику дальнейшего поведения с Ликой и боялась, что от растерянности может просто начать грубить бэк-вокалистке. Но они её не заметили. Они вообще не замечали никого и ничего вокруг – настолько были поглощены обществом друг друга.

Нет, они не целовались, не обнимались, и Тим не лапал Лику, но... невооружённым глазом было видно, как этим двоим сейчас хорошо. Они так и лучились счастьем.

Дойдя до Аничкова моста, парочка остановилась. Мила тоже замерла на своём месте и продолжила наблюдать за ними, затаив дыхание. Тим и Лика облокотились о чугунные перила и принялись дружно поесть свою шаверму, глаза на рассекающие по Фонтанке экскурсионные теплоходы-кабриолеты, заполненные туристами. «Да уж, – подумалось Миле невольно, – скажи кому-нибудь, не поверят: звезда российской поп-сцены жрёт фастфуд прямо на улице, как какой-нибудь нищий студент!»

Но в этот самый момент Мила увидела такое, что все посторонние мысли тут же вылетели у неё из головы. Смеясь и рассказывая что-то Тиму, Лика запрокинула голову, а он вдруг снял свои солнечные очки, протянул ладонь и прикоснулся пальцами к губам девушки. Мила не могла хорошенько разглядеть: то ли стряхивал крошку, то ли вытирал каплю соуса... но прикосновение это было таким нежным и чувственным, что прошибало даже на расстоянии. Мила видела, что Лика тоже замерла, боясь шелохнуться... а потом посмотрела Тиму в глаза таким говорящим взглядом, что у Милы сжалось сердце. А Тим... видеть это было ещё больше. Мила затем долго не могла забыть выражение его лица, которое легко считывалось, несмотря на расстояние: его взгляд, обращённый на девушку, отметал всё и всех вокруг – словно для него в целом мире не существовало никого, кроме Лики.

Вечерний концерт прошёл для Милы, словно в тумане. Её ни на минуту не переставали глотать сомнения по поводу увиденного днём, на Аничковом мосту. Она бесконечно задавалась вопросом: а что, если между Ликой и Тимом и правда что-то есть? Или она себе это всё придумала? У бэк-вокалистки же законный муж имеется... и они уже несколько лет вместе... А вдруг Лика просто решила вильнуть хвостом и немного поразвлечься на гастролях, пока муж торчит в Москве? «Вот же сучка... – думала Мила в бессильной ярости. – Может, стоит ей угрожать, что мужу станет известно о её похождениях? Пусть держится от Тима подальше...» Но Мила понимала, что это звучит беспомощно и по-детски. Не станет же она, и в самом деле, шантажировать Лику... Это не в её правилах.

Теперь всё между этими двумя, что ранее казалось Миле обыденным и безобидным, вызывало болезненные подозрения: не слишком ли ласково Тим переглянулся со своей бэк-

вокалисткой после окончания одной из песен? А зачем он прикоснулся к её руке, словно невзначай? А эта стерва почему ему так нежно улыбается? Мила сходила с ума от ревности и почти не слушала песни. Она просто наблюдала за поведением Тима и Лики, сканируя и анализируя каждый их жест.

Ближе к завершению концерта Тим сделал небольшое объявление.

– Хочу поприветствовать одну свою почётную гостью, которая сейчас находится здесь, в зале. Я ужасно рад, что она смогла сегодня выбраться на мой концерт. Это не просто талантливый человек, но ещё и мой близкий друг, – он сделал театральную паузу, а затем торжественно провозгласил:

– Светлана Звёздная!..

Зал взорвался восторженными аплодисментами – всем было знакомо имя знаменитой актрисы. Мила с любопытством вытянула шею, пытаясь разглядеть звезду советского и российского кино. Звёздная сидела за столиком в ВИП-зоне, но после объявления встала, обернувшись к зрителям, и, благодарно склонив голову, прижала руку к груди. Вместе с ней за столиком находился привлекательный темноволосый мужчина с очень выразительными и яркими чертами лица. Это был её муж, известный московский хирург Даниэль Шульман. Он наблюдал за Светланой с удовольствием и любовью, которая так и плескалась в его глазах за стёклами стильных очков.

Около года назад Светлана снялась в одном из клипов Тима, где они сыграли учительницу и ученика. Тим так «искрил» на экране, изображая влюблённого, что многие поклонники и СМИ уверились в том, что у них и в самом деле роман, несмотря на пятнадцатилетнюю разницу в возрасте. Однако вскоре выяснилось, что никакого романа нет и в помине – вон, Светлана даже замуж вышла, и муж, судя по всему, на неё не надышится.

Проанализировав всё это, Мила вдруг успокоилась. Ну конечно же, у Тима нет никаких близких отношений со своей певичкой. Да, может, их и связывало раньше первое романтическое чувство, но всё наверняка давным-давно забылось и быльём поросло. Вон и про Светлану сколько сплетничали, а на поверку все эти бредни оказалось вымыслом. Тим просто очень добрый и располагает к себе людей, притягивая их как магнит и со всеми сохраняя хорошие отношения, даже с бывшими девушками...

Мила окончательно расслабилась и, наконец-то, с удовольствием дослушала и досмотрела концерт. В финале, на заключительной песне «Я сердце тебе отдам», все зрители принялись подсвечивать мобильниками и подпевать – это было ужасно красиво и трогательно. Словно тысячи светлячков в ночи... У Милы привычно защипало в глазах и ком встал в горле – это была её любимая песня.

Разгорячённая, воодушевлённая, взбудораженная, окрылённая и словно заново влюблённая в Тима (такое всегда творилось с ней после каждого его концерта), Мила ждала появления певца вместе с остальными фанатками. Все мечтали повидаться с кумиром в более неформальной обстановке и заранее готовили фотоаппараты и плакаты для автографов. Собственно, ей вовсе необязательно было торчать в толпе вместе со всеми – Мила могла преспокойно отправиться в отель и дожидаться появления Тима там, сидя на диванчике в холле. Однако всеобщее весёлое возбуждение оказалось заразительным, и Мила решила остаться.

Наконец, Тим и его музыканты вышли. На этот раз, вежливо извинившись, он не стал давать автографы и фотографироваться, оговорившись, что устал и очень спешит. Толпа разочарованно загудела, а Мила, не веря своим глазам, наблюдала, как Тим и Лица, а также Светлана Звёздная со своим мужем, садятся вчетвером в одну машину и... уезжают в неизвестном направлении.

Поклонницы давно рассосались, поняв, что как минимум сегодня ждать им больше нечего и некого. Даже девочки из московского фан-клуба, простившись со своей президент-

шей, поспешили к себе в хостел, в тёплые кровати. А Мила так и осталась стоять на пронзительном питерском ветру, глотая непрошенные слёзы.

Санкт-Петербург

Всё ещё ощущая досаду от встречи с бестактной фанаткой Тима, Лика резко застегнула молнию на куртке, намереваясь немедленно выскочить на воздух и избавиться от неприятного послевкуся. Пробежаться по Невскому, вдохнуть питерский воздух полной грудью, охладить разгорячённые щёки и охолонить взбесившееся вдруг сердце...

Не вышло. Едва створки лифта разъехались, Лика машинально сделала шаг вперёд и едва не упёрлась в грудь Тима.

– Ой, – вскрикнула она, по-идиотски заливаясь краской, – прости...

– Что с лицом, Лика? – поинтересовался он. – У тебя такой вид, будто за тобой черти гонятся.

Она вымученно улыбнулась. «Ну, черти – не черти, а вот на звание „ведьм“ кое-кто из твоих юных фанаточек вполне может претендовать...»

– Ты куда? – не дождавшись ответа на свой предыдущий вопрос, Тим задал новый. Лика пожала плечами.

– Хотела пройтись... Жаль зря тратить время, сидя в отеле. Я ужасно люблю этот город и не желаю терять ни минуты.

– Про саундчек не забыла? – уточнил он, всё ещё стоя перед ней и не делая ни шага в сторону, чтобы уступить дорогу – словно не хотел её так быстро отпускать. – Нужно пораньше выехать. Около пяти часов.

– До пяти я, конечно, вернусь, – заверила его Лика. – Буду как штык, ты не переживай, не подведу!

Он кивнул, продолжая стоять на месте.

– А ты... где гулять собираешься?

– Да просто по Невскому прошвырнусь, – улыбнулась она. – А потом перекушу заодно.

– Можно и мне с тобой? – вырвалось у него.

Лика почувствовала, как на её физиономии расцветает глупая счастливая улыбка.

– Конечно! – торопливо (пожалуй, даже слишком торопливо) воскликнула она, и добавила, спохватившись:

– Если ты не занят...

Заручившись её согласием, Тим вдруг словно растерял весь свой запал, и теперь выглядел смущённым, как подросток, впервые в жизни пригласивший нравящуюся ему девочку на свидание. Впрочем, именно таким она его и встретила впервые – много лет назад, в Ярославле... Он так же тушевался и краснел, пряча глаза под пушистыми длинными ресницами, так же сердито хмурил брови, злясь на самого себя за неловкость и косноязычие, так же бросал на неё взгляды украдкой, думая что она ничего не замечает, и не решаясь сделать первый шаг... Какой же далёкой и нереальной теперь казалась та светлая пора их наивной и чистой любви!

Пока они вдвоём шли к выходу, Лика исподтишка рассматривала повзрослевшего – двадцатисемилетнего – Тима, невольно сравнивая его с Тимом-десятиклассником. Конечно, он изменился. Возмужал. Похорошел. Но в его взгляде и улыбке по-прежнему читалась прежняя нежная детскость. То душевное тепло, та преданность, которые влекли к нему окружающих. От Тима трудно, невыносимо трудно было отвыкнуть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.